

ПОХИТИТЕЛИ ЗЕМЛИ

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Похитители Земли

<https://litres.ru/74679577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Завтра Вадим Коренев собирался вылететь с Луны к жене. Но во время обычного спасательного вылета Земля исчезает из неба. Вместе с океанами, городами и всеми, кто остался дома.

Ася Коренева видит другое: над морем загорается чужое солнце, а неизвестные машины начинают переделывать воду. Похитители считают Землю грузом и уже готовят её к передаче новым хозяевам.

Вадиму предстоит найти дорогу к украденной планете. Асе — выяснить, как остановить её переделку. Их разделяют чужое пространство и чужие правила. Чтобы снова встретиться дома, им придётся вернуть весь свой мир.

Содержание

Глава 1. Место для Земли	4
Глава 2. Ночь посреди воды	13
Глава 3. Оставшиеся снаружи	25
Глава 4. Чужая работа	37
Глава 5. Чёрные чаши	47
Глава 6. Город на месте	58
Глава 7. Предоставленное возвращение	68
Глава 8. Условия размещения	79
Глава 9. Руки для чужой работы	90
Глава 10. Море под опись	103
Глава 11. Человек вне списка	116
Конец ознакомительного фрагмента.	128

А.М. Сунгурский

Похитители Земли

Глава 1. Место для Земли

Вадим искал зелёное пятно среди серых камней.

В служебном списке потерявшийся аппарат значился как белый геодезический вездеход. Старший техник на Луне успел перекрасить его в зелёный: сказал, что белое на сером не видно, а ему ещё собирать этих жуков по оврагам. Теперь зелёного тоже не было видно. За три часа до конца смены вездеход провалился в теневую складку грунта вместе с техником, и Вадим, переворачивая на экране участок каменистой равнины, впервые пожалел, что спасатели не могут просто крикнуть человеку сверху.

— Левее, — сказала Жанна.

— Там уже искали.

— Мы искали корпус. Посмотри на тень.

Навигатор обвела край уступа. На освещённом грунте лежала кривая полоска, не соединённая ни с одним видимым камнем. Вадим наклонил корабль, давая боковой камере заглянуть под нависающую плиту. Показалась антенна, затем колесо, медленно вращающееся в пустоте.

— Наш, — сказал он. — Рустам, нашли.

Механик уже стоял в нижнем шлюзе. На внутренней камере было видно, как он придерживает плечом сумку с инструментом и пытается достать из нагрудного кармана жевательную пластинку.

— Если ты опять жуёшь в шлеме, — начала Жанна.

— Я ещё не в шлеме.

— Когда окажешься, будет поздно выплюнуть.

— Тогда останусь здесь. Вместе с вами. Вы же любите, когда я всё объясняю.

Он сунул пластинку обратно, захлопнул карман и потянулся за шлемом. На запястье у него мигало непрослушанное сообщение. За последние два дня Вадим привык к этому огоньку: дочь Байгина родила сына на Марсе и присылала фотографии чаще, чем успевал возвращаться ответ. Рустам показал первую всем, включая станционного грузчика, и с тех пор делал вид, будто его раздражает число новых.

«Сыч» завис над краем провала. Спасательный корабль мог сесть на три опоры, но здесь одна попала бы на рыхлый склон. Вадим отвёл тягу от вездехода и нашёл твёрдую площадку в нескольких десятках метров. Двигатели заглушили сами себя сразу после касания; в кабине остался тонкий звук вентиляции.

На переднем экране Земля стояла над равниной, как большой предмет, забытый кем-то возле рабочего места. Синие воды, белый вихрь и освещённый край материка. Из этого положения её было видно почти постоянно, и за месяцы ра-

боты люди ухитрились перестать замечать.

Вадим замечал. Он даже проверял по снимку погоду в районе Владивостока, хотя сам район занимал слишком мало места, а облака ничего не рассказывали о человеке под ними. Сегодня Ася работала в море. В её последнем сообщении на палубе стояли два жёлтых ящика и мокрая женщина в куртке с чужого плеча. Женщина сообщала, что она всё-таки vykroила отпуск, после чего камера поворачивалась к ящикам: «А эти — нет. Эти со мной не поедут, сколько бы ни просились».

Он хотел ответить на Земле. Не переслать очередную улыбку через рабочую связь, а прийти, открыть дверь и спросить, где лежит большая сумка. Билет домой был на завтра. После четырнадцати месяцев лунных смен ему полагались семьдесят два дня, которые начальство уже дважды пыталось сделать короче.

— Коренев, — сказала Жанна. — Ты куда смотришь?

— Туда, где отпуск.

— Держи его крепче. Нам ещё машину вытаскивать.

Техник откликнулся на направленный вызов, когда они подняли антенну над складкой. Его звали Зотов; на борту «Сыча» он бывал, но Вадим не мог вспомнить имени. В ответ на вопрос о ногах Зотов сообщил, что одна у него нормальная, а другую он пока не видит.

— Не тяни её, — сказал Вадим. — Мы рядом. Рустам уже идёт.

— Рядом — это где?

— На верхней площадке.

— А зелёный цвет помог?

— Очень. Вся Луна серая, и только у тебя под камнем праздник.

Зотов засмеялся, но смех оборвался. Вадим услышал вдох, свистящий через зубы.

Из нижнего шлюза вышел Рустам, опустился по короткой лестнице и проверил крепление страховочного троса. Жанна осталась у пульта, а Вадим пошёл надевать запасной скафандр. Вытаскивать человека через разбитый верхний люк одному механику было бы неудобно.

— Мне не нравятся эти плиты, — сказала она, пока замыкалось воротное кольцо. — Нижняя держит верхнюю. Если дёрнете машину, можете получить крышу.

— Значит, сначала Зотова.

— Сначала посмотри, куда ставишь ботинки.

Вадим поднял обе руки, показывая ей, что услышал. Он был старше Жанны на шесть лет и летал дольше, однако именно она чаще замечала небольшие вещи, которые становились опасными после первого удачного решения. Его это иногда сердило. Сегодня, перед отпуском, даже нравилось.

Снаружи не было ни запаха, ни ветра, ни уверенности в собственном весе. Он сделал несколько осторожных шагов, дождался, когда нога перестанет искать земную опору, и пошёл быстрее. Рустам уже закрепил трос выше провала. Сни-

зу торчал помятый край кабины. Зелёная краска отслаивалась возле трещины, открывая белую полосу.

— Неплохой ремонт, — сказал механик. — До первого камня.

Зотов ответил, что камень был не первый. Вадим сел на край, перевёл ноги вниз и, удерживаясь за трос, спустился к кабине. Здесь Земля исчезла за уступом. Остался клочок чёрного неба и согнутая антенна, прижатая к скале.

Техник сидел боком. Плечевой ремень удерживал его над съехавшим креслом, правая нога уходила под деформированный край приборной панели. Перчатка лежала на стекле шлема, будто он хотел заслониться от света. Увидев Вадима, он убрал руку.

— Игорь, — сказал он неожиданно.

— Что?

— Ты всё называешь меня Зотовым. Игорь я.

— Запомню. Сейчас посвети на ногу, Игорь.

Кость наружу не торчала, герметичность скафандра сохранялась, но стопа была развёрнута так, что смотреть на неё не хотелось. Вадим закрепил аварийную дыхательную линию рядом с доступным разъёмом, пока не соединяя её, и позвал Рустама. Механик опустил инструмент в отдельной сумке; сам остался выше, откуда мог удерживать корпус кабины.

Сначала пришлось срезать небольшой кожух. Зотов вздрогнул от вибрации и попросил остановиться. Вадим остановился, объяснил, сколько ещё осталось, и дождался

кивка. Потом снова включил резак.

Время растянулось. Подсвеченный край металла, белые следы на зелёной краске, чужой ботинок, которому надо оставить ещё совсем немного свободного места. Вадим поймал себя на том, что мысленно произносит Асин номер каюты. Она любила рассказывать про море именно тогда, когда он занимался чем-нибудь трудным: обрывки её голоса были связаны в памяти с тугими замками, ночной посадкой, плохо пригнанным кольцом шлюза.

— Не спеши ради меня, — сказал Зотов.

— Я ради себя. У меня завтра самолёт.

— С Луны?

— Сначала большой.

— А потом?

— Потом какой достанется.

Рустам коротко сообщил, что верхняя плита не движется. Жанна попросила обоих замолчать на несколько секунд. Вадим выключил инструмент, ожидая плохой новости о грунте.

— Станция потеряла земной канал, — сказала она. — Сейчас проверят.

Он посмотрел на шкалу местной связи. Всё было нормально.

— Помеха?

— Не знаю. Работайте.

Металл поддался со второй попытки. Вадим отогнул освобождённую полосу, зафиксировал её, чтобы не пружини-

ла обратно, и вместе с Зотовым осторожно вывел ногу. Техник дышал громко, но не закричал. Это почему-то было хуже крика.

На извлечение ушло ещё несколько минут. Когда Рустам принял верхний конец носилок, Вадим увидел за его плечом небо.

Там, где должна была быть Земля, было черно.

Он остановился, опираясь коленом в край кабины. Угол зрения мог измениться. Плита могла закрывать часть неба. Он поднял голову, посмотрел правее, потом выше. Трос перед глазами медленно качнулся.

— Жанна, — сказал он.

Ответа не было.

— Жанна, картинку с носовой камеры.

Она прислала её сразу. Ровная площадка, следы опор «Сыча», край холма. Небо над ними было пустым.

Вадим моргнул, и перед ним на мгновение возник прежний синий круг — след на сетчатке, воспоминание, что угодно. Он зажмурился сильнее. Когда открыл глаза, круга уже не было.

— Поднимай, — сказал Рустам.

Механик стоял наверху, широко расставив ноги. В обеих руках он держал носилки. Шлем отражал солнечный свет, и Вадим не видел лица.

— Ты видишь?

— Поднимай человека, Вадим.

Он перехватил нижнюю ручку. Зотов попытался повернуть голову, но ремни не давали. Вадим поставил ботинок на выступ, надавил, вытолкнул носилки выше. Рустам принял вес, отступил на полшага и потянул. Вместе они вытащили техника на ровное место.

Лишь после этого механик поднял голову.

— Нет, — сказал он.

Одно слово прозвучало так обыденно, будто ему снова предложили лишнюю смену.

По общей связи говорили несколько человек сразу. Кто-то требовал показать сырые изображения. Кто-то спрашивал о падении яркости, о повреждении оптики, о затемнении. Женский голос раз за разом называл борт, который должен был отвечать с низкой земной орбиты. Наконец всех перекрыла Серафима Ганина, начальница «Горизонта».

— Прекратить общий вызов. Командиры смен, проверить людей. Внешние группы возвращаются. Наблюдатели остаются у приборов. Новые сообщения — через дежурного.

— Она пропала, — сказал Зотов с носилок. — Да?

Вадим не ответил. Они несли его между собой, стараясь не качать повреждённую ногу. Дорога к кораблю оставалась такой же короткой; каждая неровность лежала на своём месте. Солнце освещало склон. На поручне у шлюза всё ещё висела запасная петля троса.

Ничего не взорвалось. Не пришла ударная волна. Луна не задрожала под ногами. От этого исчезновение казалось ещё

хуже: огромную вещь убрали так аккуратно, что остальной мир не нашёл повода остановиться.

Жанна встретила их у внутренней двери. Глаза у неё были сухими и сердитыми.

— Станция подтвердила по трём постам. Идём домой.

Вадим хотел сказать, что дома теперь нет. Вместо этого пристегнул носилки, помог Рустаму включить медицинский блок и вернулся в кабину.

На экране продолжала гореть отметка завтрашнего рейса. Посадочный узел, время отправления, его фамилия. Он убрал её с основного поля, но не отменил билет.

Жанна подняла корабль. Вадим следил за приборами, пока она разворачивала «Сыч» к станции. Потом включил личную связь и вызвал Асю.

Система сразу ответила, что маршрут недоступен.

Он повторил вызов, хотя не ошибся ни одной цифрой.

Глава 2. Ночь посреди воды

Ася собиралась выбросить в море собственную куртку.

Это было глупо, дорого и запрещено правилами судна, поэтому она сняла её, вывернула рукава и понесла к мойке. На спине расплзлось вязкое пятно. Лица утверждала, что вещество совершенно безопасно, если не пытаться его съесть; именно этим веществом она смазывала уплотнение перед тем, как Ася неудачно прислонилась к рабочему столу.

— Ты могла предупредить, — сказала Ася.

— Там лежал лист.

— На листе было написано «не садиться».

— Так ты села.

— Я прислонилась.

Лица Бенц, инженер подводных аппаратов, выпрямилась над раскрытым корпусом и посмотрела на пятно с явным профессиональным интересом.

— Тогда напишу подробнее.

Она протянула Асе свою старую куртку. Рукава оказались коротки, а на кармане торчала половина эмблемы предыдущей экспедиции: неизвестный весёлый зверь с водолазной маской. Ася просунула руки и застегнулась.

— Если я теперь тоже испачкаю твою, мы сравниваемся?

— Нет. Моей это не повредит.

На палубе пахло морем, нагретой краской и вчерашним

рыбным ужином. «Нерпа» шла малым ходом, выбирая оставшуюся измерительную линию. В жёлтых ящиках уже лежали два поднятых прибора; третий ещё висел под водой, и лебёдка время от времени подрагивала, когда судно расходилось с длинной волной.

Ася любила эту часть работы. Всё нужное уже было сделано, впереди берег, а до берега оставалось достаточно времени, чтобы никому не объяснять, почему ты смотришь на воду. Она достала телефон и сняла себя на фоне ящиков, рассказывая Вадиму про отпуск. Лица за её плечом показала в камеру язык, уверенная, что осталась за краем кадра. Ася перевела камеру на жёлтые крышки и отправила запись вместе с этой гримасой.

Потом всё-таки написала ещё одно сообщение: «Комната на трое суток оплачена. Можешь больше не проверять. И не вздумай вызывать себя на работу по дороге».

Они собирались пожить в Находке. Не на краю мира, не в дорогом отеле, который нельзя отменить без семейной катастрофы, — просто возле воды, в городе, где Ася выросла. Вадим не понимал, зачем океанологу на отдыхе опять вода. Она отвечала, что там можно будет смотреть на неё без обязанности измерять. На самом деле ей хотелось пройти с ним по местам, которые за годы их брака так и остались только её воспоминаниями.

С носовой площадки раздался удар. Один из матросов поднимал складную секцию ограждения, чтобы принять

прибор. Ася спрятала телефон и вернулась к лебёдке.

— Натяжение растёт, — сказала Лика.

Она держала переносной пульт. На экране зелёная линия поднималась медленно, затем стала ровной.

— Течение?

— Может, перекрут. Стой пока сбоку.

Ася отступила от троса. Под водой показался жёлтый обтекатель. Прибор шёл боком, и матрос с багром ругнулся: за нижнее крепление тянулась длинная полоса потерянной кем-то сетки. Они остановили подъём. Лика подошла к борту, всмотрелась и велела дать немного слабины.

Солнце погасло, когда прибор снова ушёл под поверхность.

Ася сперва решила, что ей закрыли глаза. Она даже дёрнула головой, избавляясь от чужой ладони. Но ладони не было. Исчезли блики на воде, белый поручень, лицо матроса. Остались зелёные цифры на пульте и красный огонёк возле двери.

— Свет! — крикнула Лика.

Палубные прожекторы зажглись почти сразу. Их лучи схватили трос, мокрые перчатки, поднятые головы. Море за бортом стало чёрным, как бывает ночью, только небо над ним тоже было чёрным и не оставляло светлой полосы у горизонта.

— Отойдите от борта, — сказал старший матрос.

Он говорил тихо. Никто не двинулся.

Ли́ка нажала аварийную остановку лебёдки, поставила пульт на палубу и обеими руками взяла Асю за плечи.

— Ты меня слышишь?

— Да.

— Тогда пойдём отсюда.

Они отошли под навес. Ася посмотрела на часы: прошло несколько секунд. Судно продолжало покачиваться, вода билась о борт, ветер трепал короткий рукав Ликиной куртки. Ни один из привычных звуков не изменился.

По громкой связи капитан Латышев потребовал убрать людей с открытых площадок. Затем позвал Асю на мостик.

На лестнице она достала телефон. Связь с судовой сетью была. Последнее текстовое сообщение Вадиму ещё не доставили. Она набрала его номер, дождалась отказа и позвонила матери.

Мать ответила сразу, будто стояла с телефоном в руке.

— У вас тоже?

Ася остановилась на ступеньке.

— Что ты видишь?

— Темно. Я сначала подумала, что лампа. Потом посмотрела в окно.

— Электричество есть?

— Конечно. Я суп варю. Ася, это надолго?

— Не знаю. Ты дома?

— Где мне ещё быть в домашних тапочках?

— Оставайся пока дома. И воду набери.

Она не знала, зачем именно просит набрать воду. Это было самое простое, что приходило в голову при любой непонятной беде. Мать молчала несколько секунд, потом спросила про Вадима.

— Я ему звоню, — сказала Ася. — Пока не отвечает.

На мостике капитан стоял возле передних окон. Григорий Латышев был широким тяжёлым человеком с неожиданно подвижными пальцами. Он умел незаметно разворачивать монету между ними и делал это, когда слушал неприятный доклад. Сейчас монета лежала на пульте.

— Что это может быть? — спросил он.

Ася посмотрела на чёрное стекло, в котором отражался весь мостик.

— Я занимаюсь водой, Григорий Петрович.

— Здесь все чем-нибудь занимаются. Мне нужна мысль.

— Тень так не приходит. И солнце не должно исчезать сразу над Владивостоком и над нами.

— Уже звонят из Индии, — сказал радист. — У них тоже.

Капитан убрал монету в карман и приказал снять отражения с переднего окна. Свет на мостике потускнел. За стеклом проступило море, освещённое собственными огнями судна, а над ним появились звёзды.

Они были яркими. Слишком яркими для глаз, которые ещё минуту назад смотрели на дневную воду. Ася попыталась найти знакомую фигуру и не нашла. Из школы она помнила немного, капитан — гораздо больше; он поднял руку,

как будто хотел провести по стеклу линию, затем опустил её.

— Покажи небо с внешней камеры, — сказал он.

На главном экране появились десятки точек. Две стояли так близко, что сливались, а возле горизонта тянулась белёсая полоса. Навигационная программа выдала ошибку распознавания.

— Перезапусти по времени, — велел капитан.

Радист уже делал это. На лице у него выступили маленькие блестящие капли.

Ася отвернулась от экрана. Она вдруг вспомнила, как Вадим однажды учил её различать корабль и звезду в небе над Мурманском. Ему было двадцать пять, он слишком старательно объяснял, а она разглядывала его профиль, пропуская половину слов. Потом сказала, что поняла. Теперь ей страшно хотелось, чтобы он объяснил ещё раз.

* * *

Первые сообщения противоречили друг другу. Где-то объявили чрезвычайное положение, где-то попросили не пользоваться личным транспортом, а один неизвестный мужчина уверенно рассказал, что произошёл взрыв на Солнце и сейчас всё восстановится. Его запись успели разослать прежде, чем рядом появилась другая, которую выдавали за сообщение с лунной станции. За спиной женщины на ней было пустое небо; кто-то подписал, что Земля исчезла.

Ася смотрела запись без звука. Лица на ней менялись, изображение дрожало, затем оборвалось. Она переслала её себе и попыталась выяснить время. Рядом уже лежало несколько чужих копий с разными отметками; исходника и имени отправителя не было.

— Не надо это разносить, — сказал Латышев.

— Я не разношу.

— Вижу. Другим скажи.

Он был занят судном. «Нерпа» разворачивалась к берегу; прибор оставался в воде, но терять его вместе с кабелем капитан не хотел. Лебёдку включили снова. Матросы работали под прожекторами, уже не поднимая голов так часто. Ася спустилась к ним, потому что на мостике от неё не было пользы.

Жёлтый обтекатель вытащили через сорок минут после остановки. Лица сама обрезала сетку и уложила прибор в ложемент. В этот момент море стало серым.

Свет появился сверху и сбоку, словно за горизонтом открыли огромную дверь. Люди замерли. На мокрой палубе вытянулись тени, сначала слабые, потом почти обычные. Чёрное небо выцвело до синевы.

Новое солнце было белым.

Ася не смотрела прямо на него, но даже краем глаза видела неправильный край: слишком ровный, без дрожащего марева, к которому привыкло зрение. От него шёл свет, и на лице постепенно становилось теплее. За несколько минут

день вернулся. Только тени лежали в другую сторону.

Ли́ка подняла с палубы сетку. Она держала её обеими руками, будто хотела показать небу результат своей работы.

— Ну всё, — сказала она. — Можно обратно выключать. Я закончила.

Один матрос засмеялся. Другой сел прямо на ящик и заплакал, спрятав лицо в ладонях. Никто его не трогал.

Капитан вышел на крыло мостика. Ася видела, как он смотрит на белый круг сквозь защитный фильтр. Потом он спустился к ним, забрал у Ли́ки пульт и поставил рядом с прибором.

— Работы закончены. Уходим к берегу.

— Я хочу взять ещё воду, — сказала Ася.

— Зачем?

Она открыла рот и поняла, что у неё нет хорошего ответа. Температура могла измениться незначительно. Исчезновение солнца на такое короткое время не должно было немедленно переделать океан. Но весь набор приборов, данные прошлой недели, последняя проба перед темнотой — всё это оставалось у них на борту. Впервые за час она знала хотя бы, что именно умеет делать.

— Для сравнения. Здесь и сейчас.

Латышев посмотрел на палубу, на людей, на собранный трос.

— Пока идём. Не останавливаю судно.

Она кивнула и вместе с Ли́кой взялась за ручной пробо-

отборник. Первый образец получился почти обычным: прозрачная вода, мелкие частицы в свете лампы. Ася подписала ёмкость, указала время по судовым часам и место по последнему независимому расчёту, который успел подтвердить штурман. Спутниковая сеть пока давала скачущие ответы.

Потом она вышла к корме и снова позвонила мужу.

Отказ пришёл так быстро, что за ним почти не оставалось места надежде. Ася открыла вчерашнюю переписку. Вадим прислал фотографию маленькой круглой булки, испечённой лунным поваром. Под фотографией стояло: «Всё, я созрел для Земли. Тут хлеб отказывается быть нормальной формы».

Она набрала: «У нас светло. Я жива».

Сообщение осталось у неё.

* * *

К вечеру никто уже не знал, можно ли называть происходящее вечером. Судовые часы шли, люди уставали, солнце перемещалось, но слишком медленно. Над западным горизонтом вместо привычного золотистого света стояла ровная молочная белизна.

Ася сидела в лаборатории. Перед ней лежали данные трёх последних суток. Она проверила время приборов, отделила участок потерянной спутниковой синхронизации и сохранила исходные файлы. Делать это было легче, чем смотреть но-

вости. В числах хотя бы существовало различие между тем, что исчезло, и тем, что продолжало работать.

Лика принесла две миски супа. Одну поставила на свободный угол стола, другую удерживала в ладони.

— Не над прибором, — сказала Ася.

— Он выключен.

— Я хотела тебя предупредить. Пока не пришлось писать лист.

Лика переставила миску на табурет и усмехнулась. Потом села на пол, прислонившись к шкафу.

— У тебя кто на Луне?

— Муж.

— Я слышала, ты звонила. Он там живёт?

— Работает. Завтра должен был вернуться.

Лика подула на ложку и передумала есть.

— Мой брат на орбите. На сборке. Пока тоже тишина. Я даже не знаю, низкая у него эта орбита или какая. Он рассказывал, а я всё время думала, что потом разберусь.

Ася пододвинула ей телефон.

— Покажи название станции.

Они нашли её в сохранённом справочнике. Оказалось, что станция находилась значительно ниже тех спутников, связь с которыми пропала первой. Из этого нельзя было сделать обещание. Ася показала Лике только высоту и последнее подтверждённое сообщение: на станции работало аварийное питание, люди были живы.

Лика прочитала дважды, вернула телефон и всё-таки начала есть. Ася тоже взяла ложку.

На экране над дверью без звука шла запись нового солнца. По краю изображения тянулись комментарии, слишком быстрые, чтобы их читать. Ася выключила экран.

— Спасибо, — сказала Лика.

Они доели в тишине. Затем инженер поднялась, собрала миски и уже у двери спросила:

— А если это не наше небо, как мы поймём, куда плыть?

— По воде и земле. Они пока наши.

Лика посмотрела на подписанные ёмкости. Потом ушла.

Через несколько минут капитан вызвал Асю на мостик. Она решила, что наконец пришёл ответ от лунных станций, и почти побежала по коридору.

Латышев не обернулся, когда она вошла. Он смотрел вперёд, на белую черту, пересекавшую океан.

Издали она напоминала кромку тумана. Но туман не шёл поперёк волн с постоянной скоростью и не оставлял за собой совершенно гладкую воду. Над чертой не было корпуса корабля, надстройки или дыма. Только длинные чёрные стержни поднимались из моря через одинаковые промежутки и снова уходили вниз.

— Это у вас что-нибудь такое бывает? — спросил капитан.

Ася прижала ладонь к поручню перед окном.

— Нет.

Белая черта приближалась к их курсу. Латышев уже отдавал распоряжение изменить ход, когда первый стержень повернулся к судну.

Глава 3. Оставшиеся снаружи

На станции пахло подгоревшим хлебом.

Вадим почувствовал запах сразу после того, как снял шлем, и разозлился на повара с такой силой, что сам удивился. Земля исчезла, в коридоре люди стояли возле стен и смотрели друг на друга, а кто-то ухитрился испортить хлеб. Затем из кухни вышла помощница с мокрым полотенцем. Она несла его перед собой обеими руками и плакала. Злость прошла.

Зотова увезли в медицинский блок. Прежде чем носилки скрылись за дверью, он подозвал Вадима и попросил забрать из кармана снятого рабочего комбинезона маленький пакет.

— Семена, — сказал он. — Мне на Землю передать надо было.

Вадим посмотрел на него.

— Заберёшь сам, когда встанешь.

— А если потеряют?

— Я скажу, чтобы не потеряли.

Врач уже подсоединял оборудование и явно хотел остаться с больным. Вадим отступил в коридор. Рустам стоял возле шкафов со скафандрами и слушал сообщение дочери. Из динамика доносился тонкий детский звук, потом смех женщины. Запись отправили до исчезновения Земли; на Марсе ещё ничего не знали.

Механик выключил её, заметив Вадима.

— Слушай, — сказал тот.

— Позже.

— Рустам, слушай.

Он хотел объяснить, что хотя бы у одного из них голоса продолжают существовать в доступном месте. Но объяснение получилось бы жестоким. Вадим прошёл мимо, оставив Байгина возле шкафа.

В центральном зале Серафима Ганина стояла на лестнице, ведущей к служебной галерее. Сверху её могли видеть все. Она была невысокой женщиной с белой полосой волос над лбом; в обычные дни носила эту полосу так уверенно, будто сама назначила себе знак различия. Сейчас волосы растрепались, а на рукаве висел оборванный шнурок от пропуска.

— Мы остаёмся здесь, — сказала она. — Воздух есть, вода есть, питание работает. Слухи о прекращении тяготения на Луне неверны. Если кто-то считает иначе, пусть отпустит чашку и сам уберёт осколки.

Никто не засмеялся. Ганина посмотрела вниз, выбирая глазами человека, который шептал что-то соседке.

— Земля притягивала Луну. Сейчас расчёт движения меняется. Это не значит, что у вас исчез пол под ногами. Я сообщу подтверждённые результаты, когда они будут. Не нужно самим назначать конец света через час.

Один из работников поднял руку.

— А что произошло?

— Я не знаю.

От этого ответа зал стал тише. Вадим ожидал возмущения, но люди словно перестали тратить силы на заранее приготовленные вопросы.

— Мы потеряли видимость Земли и все прямые каналы с её поверхностью. Низкие орбитальные станции тоже не отвечают. Часть более дальних аппаратов остаётся на связи. Взрыва наши посты не зарегистрировали. Наблюдения идут, люди работают.

Женщина у стены сказала, что её муж находится на низкой станции. Ганина спустилась на одну ступеньку.

— Мы собираем сообщения по всем обитаемым объектам. Подойдите к дежурной после разговора.

— Вы можете узнать сейчас?

— Не могу.

Женщина накрыла рот ладонью. Соседка обняла её за плечи. Вадим отвернулся и увидел Жанну. Она стояла у входа, держа шлем за обод. Лицо у неё было такое, словно она уже поссорилась со всеми, кто успел заговорить.

Ганина закончила коротко: внешние работы остановлены, кроме необходимых; смены остаются по расписанию, хотя его придётся изменить; команды спасательных кораблей идут к дежурному. На этом люди начали расходиться. Кто-то задержал Вадима за локоть и спросил, правда ли с поверхности ничего не было видно заранее. Он ответил, что в тот момент сидел под камнем.

— Значит, пропустил, — сказал человек почти с упрёком. Вадим высвободил руку.

* * *

У дежурного было тесно. На экране висела схема ближайших человеческих аппаратов, и эта схема уже не имела привычного центра. Землю оставили пунктирным кругом. Вадиму хотелось стереть его: казалось, что люди издеваются над исчезнувшей вещью, изображая её пустое место так аккуратно.

К Луне шёл пассажирский транспорт «Рябина». Он успел начать переход до происшествия. Другой корабль, «Шелест», возвращался к Земле после обслуживания дальнего спутника и теперь менял программу полёта. Связь с ним была, запас позволял уйти к лунной станции, но на борту возникла проблема с наружным охлаждающим блоком. При обычном возвращении её собирались исправить на Земле.

— Там девятнадцать человек, — сказал дежурный. — Им нужна стыковка и сменный блок. Через четыре часа сможете выйти?

Вадим посмотрел на траекторию. «Сыч» мог встретить корабль, передать оборудование и довести его к «Горизонту». Это была понятная работа.

— Сможем.

Жанна поставила шлем на свободный стул.

— Он не спал после прошлой смены. Я поведу.

— Я слышу тебя, — сказал Вадим.

— Очень рада. Теперь иди поспи.

Дежурный не вмешался. Он уже передавал их согласие на другой пост. Рустам спросил про совместимость блока, получил схему и ушёл за инструментом. Через минуту они с Жанной остались в коридоре вдвоём.

— Ты была дома давно? — спросил Вадим.

Она посмотрела на него недоверчиво.

— В январе. Ты знаешь.

— Я помню. Просто... что ты делала?

Жанна прислонилась плечом к стене. За стеклянной дверью дежурный кому-то кричал, что подпись на разрешении сейчас может поставить он сам.

— В Казани была. У отца. Мы с ним ободрали обои, а потом четыре дня спорили, что клеить. Он хотел такие, как были.

— А ты?

— Я хотела уехать. В конце концов покрасили.

Она замолчала. Вадим ждал.

— Плохо покрасили, — добавила Жанна. — На стене осталась полоса. Отец прислал фото и сказал, что теперь будет мне её показывать каждый раз, когда я начну учить его жить.

Она вынула телефон и нашла снимок. Обычная комната, диван, невысокий человек возле светлой стены. Полоса дей-

ствительно была видна. Вадим смотрел на неё так внимательно, словно от этой полосы мог зависеть ответ.

— Ты ему напиши, — сказал он.

— Уже.

— Я Асе тоже написал.

Жанна убрала телефон.

— А теперь поспим. Если нам придётся искать целую планету, лучше начать не с того, что мы уснём за пультом.

Он хотел усмехнуться, но не смог. Она легко толкнула его кулаком в плечо и пошла к своему отсеку.

Вадим лёг, не раздеваясь. Через стену кто-то говорил по связи; голос временами повышался, затем снова становился ровным. На потолке медленно менялся рисунок вентиляционного света. Он включил последнее сообщение Аси, дошёл до места, где она поворачивала камеру к жёлтым ящикам, и остановил.

На краю кадра стояла молодая женщина с высунутым языком.

Он заметил её впервые.

* * *

Вениамин Куницын принёс находку, когда Вадим застёгивал скафандр перед выходом к «Шелесту».

Астроном выглядел младше своих двадцати восьми: тонкая шея, вихор над ухом, тесный комбинезон, который он

отказывался менять, пока не закончит очередной расчёт. Вадим знал его по воскресным вечерам в столовой. Куницын делал из упаковочной плёнки маленькие крылья, запускал их под вентиляционными решётками и сердился, если кто-нибудь называл это игрушками. Его аппараты летали лучше некоторых официальных учебных моделей.

Сейчас он держал в руке прозрачную пластину с изображением точки.

— У вас наружная оптика лучше, чем у грузового, — сказал он вместо приветствия.

— Здравствуй, Веня.

— Здравствуйте. Можно снять по дороге?

— Что?

Точка увеличилась. Стала продолговатой, потом снова распалась на несколько светлых пятен.

— Пока не знаю. Её не было в предыдущем обзоре. Или она была, но мы не выделили.

Вадим посмотрел на часы. До выхода оставалось двенадцать минут.

— Ты у Ганиной был?

— Да. Она разрешила передать вам задание, если оно не меняет спасательную работу.

— Тогда передай. Почему сам пришёл?

Куницын убрал изображение и провёл ладонью по волосам. Вихор остался торчать.

— Потому что в задании я должен написать «неопознан-

ный отражающий объект». А я думаю, что это не обломок.

— Почему?

— Он поворачивается.

— Обломки тоже вращаются.

— Не так. Когда мы меняем режим подсветки, он меняет положение. Не каждый раз. Но несколько раз — с одной поддержкой.

От соседнего шкафа подошла Жанна. Она остановилась, услышав последние слова.

— Ты его подсвечиваешь чем?

— Измерительным лучом с восточного поста. Слабым. Для такого расстояния он почти ничего не даёт, но возвращается странный ответ.

— И где эта радость?

Куницын показал схему. Объект находился далеко за пределами их обычной рабочей зоны, примерно в направлении, где ещё несколько часов назад была Земля. Он двигался, и потому на схеме рядом стояли сразу несколько отметок времени.

Вадим почувствовал, как сон, которого ему не хватило, окончательно исчезает из тела.

— Ты думаешь, это связано?

— Я думаю, стоит снять. Другого я пока не могу сказать.

Жанна взяла пластину и переслала координаты в бортовую систему.

— Снимем. Если «Шелест» не заставит нас плясать во-

круг него до утра.

Куницын благодарно кивнул, но не ушёл.

— Там ещё одна вещь, — сказал он. — По последним данным движение Луны меняется так, как должно было бы меняться без Земли. Это не просто невидимый экран перед ней.

Вадим опустил руку со шлемом.

До этого оставалась возможность, которой он стыдился. Огромная завеса, неисправность всех приборов, нечто, закрывшее свет и связь, но не саму планету. Куницын произнёс несколько слов, и возможность стала значительно меньше.

— Ты уверен?

— Измерения продолжаются.

— Я спросил, уверен ли ты.

Куницын посмотрел на него прямо.

— Да. Что Земля больше не там — да.

Вадим надел шлем. Замок сошёлся с привычным сухим щелчком. Жанна положила ладонь ему на предплечье, проверяя контрольный огонёк. Потом развернула к себе и проверила второй.

— Пойдём, — сказала она. — Девятнадцать человек пока там, где надо.

* * *

«Шелест» был старым кораблём с открытой грузовой ра-

мой. На ней ещё держались пустые контейнеры, оставшиеся после обслуживания спутника. Освещённый борт медленно поворачивался к «Сычу» и уходил в тень. Вадим привык видеть под такими кораблями Землю. Теперь за ними ничего не было.

Стыковаться пришлось к боковому узлу. Жанна вела осторожно, несколько раз меняя короткий импульс; Вадим следил за относительным движением и ловил себя на том, что пытается разглядеть в пустоте знакомый синий цвет. На «Шелесте» их встречали два человека. Один слишком часто повторял слово «спасибо», другой ничего не говорил и только придерживал дверь.

Работа заняла больше времени, чем ожидали. Разъём сменного блока оказался исправным, но крепление поколебилось ещё при прежней перегрузке. Рустам потребовал установить временную опору, прежде чем освободить старый блок. Ему отвечали, что и так продержится; он велел показать расчёт или перестать мешать. Вадим подал инструмент и оставил спор механику.

В маленьком пассажирском отсеке сидели люди, собиравшиеся вернуться на Землю. У одной женщины на коленях лежала коробка с тортом. Кто-то пошутил, что торт теперь придётся съесть на Луне, и она ответила с неожиданной яростью: «Я сама решу».

Мальчик лет десяти стоял возле окна. Он спросил Вадима, можно ли будет увидеть Землю с другой стороны.

— Мы пока не нашли, где она, — сказал Вадим.

— А если лететь быстрее?

Вадим присел рядом, придерживаясь за поручень.

— Сначала нужно понять, в какую сторону.

Мальчик кивнул. Ему, кажется, стало легче от того, что существовала хотя бы первая задача.

Когда охлаждение заработало и «Шелест» получил новую траекторию, Вадим вернулся в кабину «Сыча». Жанна уже развернула наружную оптику. На экране висела та же точка, которую показал Куницын, только теперь у неё появились края.

Объект походил на две плоские чёрные чаши, обращённые днищами друг к другу. Между ними светилось узкое кольцо. Размер по одному изображению определить было трудно, но это явно не было обломком обычного спутника.

— Он ответил на нашу подсветку, — сказала Жанна.

Она включила запись. Кольцо на несколько мгновений расширилось, потом снова стало тонким. Чаши повернулись к ним ребром.

— Повторила один раз, — добавила она. — Больше не трогаю.

Вадим приблизился к экрану. На тёмной поверхности не было ни флага, ни номера, ни чего-либо, что люди привыкли оставлять на своих вещах. Но сама вещь была сделана. Кто-то придал ей форму, соединил части и поместил в том направлении, где исчезла Земля.

Он вызвал Куницына и отправил запись. Ответ пришёл после паузы.

— Получил. Не выключайте наблюдение.

— Веня, что это?

— Не знаю.

На этот раз незнание не прозвучало пустотой. Вадим смотрел на кольцо между чёрными чашами и впервые за всё время чувствовал не только страх.

Теперь было к чему лететь.

Глава 4. Чужая работа

Стержень поднялся выше волн и оказался тонкой мачтой с распушенными в стороны чёрными лентами. Они не провисали, хотя ветер дул наискось. Под мачтой двигалось что-то тяжёлое и длинное; на экране глубинного обзора появилась полоса, перечеркнувшая сразу несколько привычных отметок.

— Право на борт, — сказал Латышев.

«Нерпа» начала разворот. Вода возле форштевня вспенилась, и Ася почувствовала, как пол под ногами медленно наклоняется. Штурман вслух назвал глубину. Она была достаточной — при условии, что неизвестная конструкция не занимает ещё и пространство под ними.

Белая черта уже не казалась туманом. Над водой шёл мелкий плотный распыл. Волны входили в него с одной стороны и выходили с другой почти расправленными. Ася не могла понять, куда уходит их движение.

Радист вызывал неизвестное судно на общем канале. Он повторил сообщение по-английски, потом вернулся к русскому. Ответа не было.

Капитан велел всем, кроме вахты, уйти с наружной палубы и держаться за поручни. Ася услышала, как за стеной хлопает дверь. Лица была в лаборатории, матросы должны были уже спуститься. Но на камере возле кормовой лебёдки оста-

вался человек.

— Савва! — крикнул Латышев в микрофон. — Брось ты это!

Матрос попытался закрепить последний конец троса. Его сдвинуло, он удержался, вцепившись в стойку. Судно внезапно перестало доворачивать. Колесо руля на экране изменило положение, а направление корпуса почти не изменилось.

— Нас сносит, — сказал штурман.

Капитан повторил команду на ход. Под палубой усилился гул.

Ася смотрела на воду. Полоса гладкой поверхности тянулась к ним, и корабль словно попадал на неё боком, как лодка в сильную струю. Дело было не в отказе руля: само море двигалось иначе.

— Там течение поперёк, — сказала она. — Смотрите на пену.

Латышев уже увидел. Он изменил направление тяги, стараясь развернуть нос к полосе. «Нерпа» вздрогнула. На кормовой камере Савва отпустил трос и бросился к двери, но в этот момент судно качнулось так резко, что его отбросило на ограждение.

Ася вскрикнула. Матрос остался на палубе. Он лежал у стойки и не двигался.

— Не выходить! — сказал капитан, увидев, куда она повернулась. — Сейчас ещё ударит.

Мачта прошла у носа. Чёрные ленты над ней раскрылись,

и в рубке зазвучал голос.

Он шёл из нескольких динамиков сразу — из судовой связи, телефона у радиста, маленького аварийного приёмника возле двери. Фразы накладывались друг на друга с разной задержкой.

— Сохраняйте присутствие внутри плавучих оболочек. Обслуживание не требует вашего участия. Сохраняйте присутствие...

Радист выключил общий приём. Голос остался в телефоне. Он выключил телефон тоже.

— Что за обслуживание? — спросил Латышев.

Никто ему не ответил. Ася крепче взялась за поручень. Белая полоса ударила в борт мелкой водяной пылью, окна на мгновение исчезли за молочной завесой. Корабль подняло, затем опустило, и где-то внизу с тяжёлым стуком поехал плохо закреплённый предмет.

Мачта уже оставалась за кормой. Латышев убрал лишнюю тягу, выравнивая «Нерпу». По камере было видно, как Савва пытается сесть, прижимая к груди левую руку.

Ася выбежала из рубки сразу после разрешения капитана. На лестнице её догнала Лика с аптечкой. Они обе едва не упали на последней ступеньке: палуба стала скользкой, словно на неё вылили жидкое мыло.

Савва Калинин оказался тяжёлым длинным человеком, которого трудно было поднять, не причиняя новой боли. Он пытался помогать правой рукой и всё повторял, что не надо

было бросать незакреплённый трос. Лика велела ему замолчать. Ася поддерживала его под здоровое плечо, пока подошедший старший матрос освобождал проход к двери.

На ограждении висела тонкая серебристая плёнка. Ася задела её рукавом, и часть плёнки растянулась, не отрываясь от металла. Она отдёргнула руку. Лика заметила движение.

— Потом, — сказала она. — Сначала его.

Они довели Савву до медицинской каюты. Судовой врач уже готовил место. Матрос побледнел, когда попытался снять рабочую куртку, и врач попросил женщин выйти.

Ася вернулась на палубу с Ликой. Обе теперь шли медленнее, переставляя ноги на сухие ребристые участки настила. Неизвестная конструкция удалялась. Только верхушки чёрных стержней показывались над водой, и один за другим они складывались вниз.

— Ты слышала? — спросила Лика.

— Про оболочки?

— У меня в лаборатории тоже говорило. Сразу в трёх местах. Я сначала решила, что капитан поменял голос.

Ася присела возле поручня. Плёнка уже стягивалась в капли. Она не стала трогать её голой рукой: достала из аварийного ящика пакет, развернула и аккуратно подхватила край пластиковой лопаткой. Лика принесла закрывающийся контейнер для повреждённых деталей.

— Обычная вода? — спросила она.

— Не похоже.

— Тогда давай без героизма.

Они закрыли образец, вытерли наружную поверхность контейнера и оставили его в отдельном шкафу на рабочей палубе. Куртку Ася тоже сняла и убрала в пакет. Лика посмотрела на неё, оставшуюся в тонком свитере.

— Всё. Больше мне тебе предложить нечего.

Ася засмеялась. Смех вышел коротким, злым и совершенно неуместным, но остановить его сразу она не смогла.

* * *

Латышев собрал их в кают-компании через час. Савва остался у врача; левое запястье пришлось зафиксировать, порез возле виска обработали. Окончательное обследование требовало берега. Состояние матроса капитан назвал первым, потом включил запись голоса.

— Сохраняйте присутствие внутри плавучих оболочек. Обслуживание не требует вашего участия.

Сидевший возле двери моторист поднял руку.

— Может, это наши? Военные?

— Кто именно? — спросил Латышев.

— Я откуда знаю. Разработки.

— Тогда они научились выключать солнце. И забыли слово «судно».

Моторист пожал плечами. Ему хотелось, чтобы существовал хотя бы знакомый вид людей, способный отвечать за слу-

чившееся. Ася его понимала.

Капитан посмотрел на неё.

— Что с водой?

— Первые образцы обычные. То, что осталось на борту, мы пока не открывали. Я хочу сделать это в изолированном рабочем боксе, когда перестанет болтать.

— Делай. Все записи копируем. На берег уже отправили, подтверждение пришло. К чужой технике не приближаемся.

— Она сама приблизилась, — сказала Лика.

— Значит, в следующий раз раньше будем уходить с до-
роги.

Он провёл ладонью по лицу и сел. Только теперь Ася увидела, насколько он устал. Капитан почти всю жизнь управлял судами. Он мог ошибиться, не заметить, недооценить погоду — всё это оставалось внутри мира, где существовали понятные причины. Сегодня вода несколько минут выполняла чужие распоряжения.

— Завтра будем во Владивостоке, если не придёт ещё одна такая, — сказал он. — Дежурства по прежнему расписанию. Перед выходом наружу докладывать. В одиночку — не надо.

Люди расходились медленно. Повар спросил, варить ли кашу по утреннему времени, если солнце так и не сядет. Латышев сказал, что кашу он будет есть по часам при любом солнце.

Ася задержалась. Когда кают-компания опустела, она

спросила:

— Вы считаете, нас перевезли?

Капитан несколько раз повернул монету в пальцах.

— Я считаю, что не умею ходить по этому небу. Всё остальное пусть пока объясняют те, кому за это платят.

— А если никто не умеет?

Он посмотрел на неё поверх сложенных ладоней.

— Тогда у них будет тяжёлый рабочий день.

* * *

Изолированный бокс занимал половину лабораторного стола. Через перчаточные входы Ася раскрыла контейнер и поднесла образец к увеличительной камере. Лика сидела сбоку, записывая последовательность. Они оставили дверь закрытой и предупредили врача, что работают с неизвестным веществом; тот попросил не пытаться определить его вкус и на этом ушёл к Савве.

Плётка распалась на прозрачную жидкость и мелкие тёмные зёрна. В обычном увеличении они походили на песок. При большем стали видны одинаковые отверстия, расположенные вокруг светлой середины. Ася подвинула образец, чтобы убедиться, что это не рисунок оптики. Отверстия остались на месте.

— Сделано, — тихо сказала Лика.

Ася не ответила. Она перевела изображение на соседнюю

частицу. Та была чуть крупнее, но имела ту же форму.

Лица придвинулась ближе.

— Они одинаковые.

— Не совсем. Смотри на край.

У одной частицы наружное кольцо было раскрыто. Пока женщины смотрели, края начали сближаться. Движение оказалось таким медленным, что Ася сперва приняла его за дрейф изображения. Она остановила подачу жидкости в маленькой наблюдательной ячейке и включила покадровую запись.

Через несколько минут кольцо замкнулось.

Лица откатила стул от стола.

— Я не люблю, когда грязь что-нибудь делает сама.

Ася оставила изображение на экране и проверила наружную герметичность бокса. Давление не менялось. Затем выбрала другой участок жидкости. Там лежали такие же зёрна, одни раскрытые, другие закрытые.

Она разделила образец на несколько маленьких ячеек. В одну добавила чистую подготовленную воду из лабораторного запаса, в другую — морскую пробу, взятую до темноты. Изменения не произошли сразу. Они просидели перед камерой почти час, отвлекаясь только на шум в коридоре.

В морской воде закрытых колец становилось больше.

— Они что-то собирают, — сказала Ася.

— Что?

— Ещё не знаю.

Ли́ка показала на прибор для измерения электропроводности. Ася кивнула. Они не стали переносить неизвестную жидкость в общий анализатор: использовали отдельную ячейку и датчик, который после этого можно было оставить закрытым. Показание в морском образце медленно уходило от исходного значения. Контрольная проба оставалась почти прежней.

Ли́ка посмотрела на дверь, словно за ней мог стоять человек, способный отменить результат.

— Оно меняет воду.

Ася сохранила запись. Потом повторила измерение на другой части того же образца.

В дверь постучали. Пришёл капитан. Он был без обычной куртки, в домашней рубашке с помятым воротником.

— Солнце заходит, — сказал он.

Они вышли вместе. Белый круг опускался к горизонту слишком ровно, без расплывчатого нижнего края. Его отражение лежало на море широкой холодной дорожкой. Несколько человек стояли возле борта, не разговаривая.

Ася прислонилась к сухой стойке. Ей хотелось просто посмотреть, как кончается этот день. Но за отражением солнца она всё время видела гладкую полосу воды, которую оставила чужая машина.

— Что у вас? — спросил капитан.

— Частицы в жидкости. Сделанные. Они забирают что-то из морской воды или меняют её состав. Пока только такой

результат.

— Опасно?

— Для нас сейчас — не знаю. Образец закрыт.

Он кивнул и больше не спрашивал. Белое солнце коснулось горизонта. Над ним проступили первые звёзды.

Ли́ка вдруг подняла телефон.

— Брат написал.

Она отошла на несколько шагов, слушая, затем обернулась. На лице у неё появилась улыбка — короткая, испуганная самой собой.

— Они живы. Он говорит, за окном не Земля пропала. Всё остальное пропало.

Ася посмотрела на небо. Она не стала просить телефон: это был голос Ли́киного брата, и Ли́ка имела право дослушать его первой.

Новый день закончился без заката. Белый круг просто ушёл из вида, почти не изменив цвета. На тёмной воде ещё несколько мгновений лежала светлая дорожка, затем погасла и она.

Ася вернулась в лабораторию и открыла недоставленное сообщение мужу. К двум коротким фразам добавила третью: «Здесь кто-то работает с морем».

Глава 5. Чёрные чаши

На следующий день Зотов попросил принести ему зеркало.

Вадим нашёл маленькое, складное, в наборе для ремонта оптики. Оно искажало лицо, зато позволяло посмотреть на ту часть койки, где лежала закреплённая нога. Зотов долго менял угол, потом вернул зеркало.

— Вид хороший, — сказал он. — Курортный.

— Семена у старшей медсестры. В отдельном пакете, с твоим именем.

— Спасибо.

Вадим сел на табурет. Он пришёл по дороге к Ганиной, думая пробыть минуту, но уходить сразу стало неудобно. За прозрачной перегородкой кто-то спал; рядом с койкой работал аппарат, негромко вздыхая через равные промежутки.

— Для кого семена? — спросил он.

— Для школы. У сестры дети сделали тепличку. Хотели выращивать то же, что у нас. Я привёз бы, рассказал.

Зотов посмотрел на шкаф, куда убрали его вещи.

— Глупость какая. Можно было просто купить такие же на Земле.

— Тогда были бы не с Луны.

— Вот именно.

Он улыбнулся, и Вадим впервые заметил, что у техника

не хватает одного зуба сбоку. Наверное, раньше они никогда не разговаривали достаточно долго.

— Ты полетишь к этой штуке? — спросил Зотов.

— Пока не решили.

— Полетишь.

Вадим не стал спорить. Зотов взял зеркало снова, посмотрел в него уже на собственное лицо и попросил оставить до вечера.

* * *

Ганина разговаривала стоя. В её кабинете все стулья заняли сотрудники, которых вызвали для подготовки дальнейшего снабжения. На стене было два больших поля: Луна с человеческими станциями и Солнечная система с кораблями, способными до них добраться. Земли не было ни на одном. Куницын сохранил её расчётное положение отдельным маленьким знаком.

К моменту прихода Вадима разговор о Марсе подходил к концу. Первые ответы уже получили. Люди там были потрясены, но корабли, грузы и собственные задачи никуда не исчезли. Помощь готовили; прийти немедленно она не могла.

Ганина дождалась, когда из кабинета выйдут двое снабженцев, и показала Вадиму свободный стул.

— Садись. Ты всё равно уже придумал, что я тебя не отпускаю.

— Я ещё ничего не сказал.

— У тебя лицо говорит за тебя.

Он сел. Жанна стояла возле стены, разглядывая изменённую схему. Рустам ещё не пришёл.

Куницын включил полученную запись. Чёрные чаши медленно поворачивались, между ними росло и сужалось кольцо. Увеличение сделали аккуратно, не добавляя гладких линий там, где исходное изображение оставалось зернистым.

— Поперечник пока оценочный, — сказал он. — Около двух километров. Есть несколько небольших объектов рядом. Часть могли не заметить раньше.

Вадим посмотрел на него. Два километра были слишком большим размером для вещи, которую хотелось назвать маяком, и слишком маленьким — для того, что могло убрать Землю.

— Оно само движется?

— Двигается. Не по траектории наших аппаратов. Но я пока не отделяю собственную тягу от того, чего не понимаю.

Жанна попросила показать расстояние до планируемого пути. Куницын открыл расчёт. «Сычу» предстояло уйти значительно дальше привычных лунных вылетов, но запас двигателя и средств поддержания жизни позволял это сделать. Время при сближении оставалось главным ограничением: расходовать его на бесконечные попытки связи они не могли.

— Сначала автомат, — сказала Ганина. — Его уже готовят. Вы сопровождаете на расстоянии. Если наблюдение по-

кажет воздействие на корабль, уходите.

Вадим кивнул слишком быстро.

— Я говорю не для записи, — продолжила она. — У нас есть странная вещь в космосе. Она может быть причиной, следствием, ловушкой или тем, что появилось одновременно. Я не отправляю вас спасать Землю на трёхместном буксире.

— «Сыч» не буксир.

— Вот именно. Поэтому не делай из него ещё и военный флот.

Жанна негромко фыркнула. Вадим посмотрел на неё, но она продолжала изучать схему.

Ганина разрешила взять дополнительные запасы, два малых наблюдательных аппарата и внешний передатчик, который можно было оставить на пути. Куницын подготовил программу для независимой записи: если связь прервётся, хотя бы часть данных должна остаться снаружи. Он сам хотел лететь, но начальница оставила его у постов.

— Ты здесь нужен, — сказала она. — И я не умею делать твою работу.

Он открыл рот, потом закрыл. Вадим ожидал спора, но Куницын лишь попросил взять дополнительный комплект памяти.

В конце пришёл Рустам. Он принёс список того, что придётся снять с корабля ради новых запасов, и положил перед Вадимом.

— Посмотри. Потом поговорим.

* * *

Они встретились у грузового отсека. «Сыч» стоял на обслуживании, подняв маленький люк боковой панели, и походил на птицу с повреждённым крылом. Рустам сидел на ящике, вертя в руках крепёжную скобу.

— У меня дочь на Марсе, — сказал он.

— Я знаю.

— Ты знаешь фотографию. А я знаю дочь. Она родила ребёнка, её муж работает на внешней сборке, а я обещал приехать на следующий переход. Сначала они смеялись, что дед станет самым дорогим гостем за всю семейную историю. Теперь она спрашивает, жив ли я.

Вадим прислонился к корпусу.

— Ты не обязан лететь.

— Не надо сразу великодушия. Ты без механика не уйдёшь, и мы оба это знаем.

— Найдём другого.

— Который за ночь разберётся в наших переделках?

Механик встал и показал скобой на открытую панель.

— Я полечу посмотреть. Потому что если мы не поймём, что случилось, следующий такой фокус может произойти возле Марса. И потому что на Земле есть люди, которых я тоже люблю. Но я хочу услышать от тебя одну вещь: если там

окажется проход неизвестно куда, ты не нырнёшь в него без разговора.

Вадим посмотрел на пустую посадочную площадку за защитным экраном. Ему не хотелось обещать это. В воображении уже существовала дверь, а за дверью — голос Аси. Остановиться перед такой дверью и начать обсуждение казалось почти невозможным.

— Ты сейчас думаешь, как сказать «да», а потом объяснить, что ситуация была другой, — сказал Рустам.

Вадим повернулся к нему.

— Да.

Механик усмехнулся без удовольствия.

— Ну хоть так.

Из соседнего отсека вышла Жанна. Она слышала последние слова и не стала притворяться, что пришла случайно.

— Я не открою новый маршрут одна, — сказала она. — Нас трое. Если понадобится выбирать, выберем втроём. Мне тоже есть кого искать.

Вадим выдохнул. Затем оттолкнулся от корпуса и взял список Рустама.

— Хорошо. Без разговора не идём.

Он сказал это медленно, чтобы самому услышать, на что соглашается. Рустам протянул ему скобу.

— Тогда держи. Ты всё равно здесь стоишь. Поможешь закрепить второй бак.

Дорога заняла почти весь следующий рабочий цикл. На разгонном участке они сидели в креслах и слышали, как в перегородках отзывается ровная нагрузка. Потом двигатель замолчал, вещи стали требовать креплений, а тела — привычки не толкаться слишком сильно от пола.

Вадим спал первым. Он не помнил, как закрыл глаза, и проснулся от собственного движения: ему снилось, что вода уходит с пляжа и оставляет на песке людей, которые всё ещё пытаются плыть. Рядом работала Жанна. Она заметила, что он проснулся, и протянула закрытую ёмкость с чаем.

— Сахар не положила. Ты потом жалуешься, что я пытаюсь тебя развеселить.

Он взял чай, сделал глоток и спросил, что прислала станция.

Ответов с Земли не было. Марсианские специалисты подтверждали наблюдения, которые уже знали на Луне. Несколько дальних аппаратов продолжали попытки связи с прежним положением планеты. Чёрные чаши оставались единственным новым предметом, к которому можно было приблизиться.

Вадим посмотрел назад, на маленькую серую Луну. При удалении она неожиданно стала похожа на Землю в самом начале детских книг: круглый отдельный мир, на котором

были люди. Он не чувствовал, что летит от дома. Дом находился где-то впереди, хотя впереди могло не оказаться ничего.

Рустам принёс еду. На трёх упаковках стояли разные названия, но содержимое подозрительно пахло одинаково.

— Повар сказал, что разнообразие сейчас роскошь, — сообщил он.

— А зачем разные надписи? — спросила Жанна.

— Чтобы не огорчать вас сразу.

Они поели. Механик рассказал, что дед — это, по мнению его дочери, не тот, кто даёт советы по связи, а тот, кто приезжает и держит ребёнка, пока родители спят. Жанна сказала, что предъявит это определение своему отцу, если когда-нибудь даст ему такую работу. Вадим слушал и чувствовал, как их маленькая кабина на несколько минут перестаёт быть осколком исчезнувшей жизни.

Перед торможением Куницын вышел на связь. Задержка уже делала быстрый разговор неудобным. Он передал обновлённые измерения, потом попросил смотреть на кольцо между чашами в определённой части спектра. Программа сама выделила нужный диапазон. На экране возникли тонкие прямые линии, которых не было видно раньше.

— Как координатная сетка, — сказала Жанна.

Вадим смотрел на пересечения. Они смещались, но центральная метка оставалась внутри кольца.

Куницын прислал ещё одну схему. На ней линия расчёт-

ного движения Земли проходила рядом с объектом. Чаши словно удерживали место, где планета должна была находиться сейчас, если бы не исчезла.

— Не доказательство, — произнёс записанный голос астронома. — Но совпадение сохраняется на всех последних измерениях. Если это обозначение точки, то оно движется вместе с расчётной точкой.

Рустам перестал жевать.

— Кто-то оставил закладку, — сказал он.

* * *

Вблизи чаши оказались ещё страннее. Их поверхность не была гладкой: по ней шли широкие углубления, похожие на пересохшие русла, и в этих руслах время от времени вспыхивал слабый свет. Между огромными половинами вращалось кольцо, слишком тонкое для такого размера. Изнутри оно казалось светлым, снаружи почти исчезало.

«Сыч» остановил сближение на выбранной дистанции. Жанна проверила запас для ухода и назвала его вслух. Рустам выпустил первый автомат. Маленький аппарат медленно отделился от борта, развернул камеру и пошёл к объекту.

Вадим держал руки возле пульта, хотя управлять автоматом должна была программа. На изображении росла тёмная стена. Никаких люков, окон, антенн. Только одна узкая полоса меняла яркость при каждом приближении.

Автомат остановился у первой границы. Передал измерения. Продвинулся дальше.

Кольцо раскрылось.

Это было не похоже на дверь. Пространство между чашами стало глубже, чем расстояние между ними. Вадим не смог бы объяснить, как увидел это на плоском экране: просто дальняя поверхность вдруг оказалась там, где её не должно было быть, а по краю прошёл изгиб света.

— Назад, — сказала Жанна.

Команда ушла автомату. Он включил двигатель, но изображение уже менялось. На миг показались длинные ряды огней, тёмная решётка, край огромной сферы, покрытой белыми завитками.

Вадим вцепился в подлокотник.

Потом камера снова увидела чёрные чаши. Автомат вышел из кольца, продолжая пятиться, и остановился на прежней границе.

— Земля, — сказал Вадим.

Жанна не ответила. Она повторяла короткий фрагмент: огни, решётка, синий край, облака. Рустам увеличил его, вывел рядом последний сохранённый земной снимок и молча указал на очертание берега.

Они смотрели втрём.

Из кольца тем временем вышел второй объект. Он был значительно меньше чаш и значительно больше «Сыча». Плоское тело, несколько выступающих рам и тёмная выемка

спереди. Никакого пламени двигателя.

Жанна сразу начала уход. Вадим не возразил. Он смотрел на показание относительной скорости: чужая машина двигалась следом, ускоряясь без заметного усилия.

По открытому каналу пришёл короткий человеческий голос.

— Внешние люди. Остановите движение. Вам будет предоставлено возвращение.

Вадим поднял руку над пультом.

— Не останавливай, — сказал он Жанне.

Чужая машина продолжала приближаться.

Глава 6. Город на месте

Владивосток оказался на месте.

Ася знала, что иначе быть не должно, и всё равно стояла у борта, пока из утреннего тумана появлялись знакомые здания. Мосты, портовые сооружения, огни на склонах — город собирался из частей так же, как при каждом возвращении. Только за ним поднималось белое солнце, от которого стеклянные фасады казались покрытыми инеем.

«Нерпу» поставили у другого причала. Возле прежнего шла разгрузка двух судов, срочно вернувшихся из моря. На берегу стояли машины, люди в рабочих куртках, медицинская бригада для Саввы. Никто не встречал исследователей как первых свидетелей чего-то необыкновенного. Необыкновенное произошло со всеми, и каждый уже знал свою часть беды.

Латышев передал матроса врачам сам. Савва пытался идти без помощи, однако на трапе его повело, и он позволил взять себя под локоть. Ася несла его сумку. У машины он забрал её здоровой рукой и спросил:

— Вы потом скажете, что это было?

— Когда узнаем.

— Только не забудьте. А то рука у меня, а открытия у вас.

Она пообещала позвонить. Савва сел в машину, неловко устраивая закреплённое запястье, и захлопнул дверь коле-

НОМ.

Изолированный контейнер с образцами приняли сотрудники береговой лаборатории. Ася передала копию журнала и попросила не вскрывать до её приезда. Молодой сотрудник посмотрел на наклейки, потом на неё.

— У нас ещё два таких поступления. Вы не единственные.

Она почувствовала облегчение, за которым сразу пришёл страх. Один образец мог оказаться местной странностью. Два других означали, что чужая работа продолжается за пределами увиденной ими полосы.

Ли́ка ушла вместе с контейнером. Перед этим вернула Асе её первую куртку, уже вычищенную от смазки.

— Моя пока остаётся в карантине, — сказала она. — Если найдут на ней новую жизнь, назови в мою честь.

Ася обняла её одной рукой. Ли́ка неловко похлопала её по спине и отступила к тележке с контейнером.

— Езжай домой, — сказала Ли́ка. — Тут без тебя пока справятся.

* * *

Такси пришлось ждать долго. У водителя постоянно звонил телефон. Он отвечал коротко, чаще всего словами «нет» и «я же сказал», а потом извинялся перед Асей, хотя она ничего не спрашивала.

На перекрёстке их задержали. Люди шли по пешеходному

переходу, не дожидаясь разрешения; кто-то тащил две большие ёмкости с водой, кто-то вёз ребёнка на маленьком велосипеде. Возле магазина спорили у открытой двери. Чуть дальше две женщины сидели на скамье и ели мороженое. Одна смеялась, вытирая растаявшие капли с пальцев.

— Не знаю, кто прав, — сказал водитель, заметив взгляд Аси. — Эти с водой или эти с мороженым.

— Может, и те и другие.

— Мне жена сказала купить соль. Теперь у нас соли на несколько жизней.

Ася повернулась к нему слишком быстро.

— Что?

— Соль. Ну, запас. Вы тоже хотите? Я вам отсыплю, если надо.

Она покачала головой. Водитель посмотрел на неё в зеркало, затем наконец ответил на новый звонок.

— Еду. Да, купил. Не кричи, пожалуйста, я всё купил.

Дома дверь открыла мать.

Ася остановилась на пороге. Они говорили дважды за ночь, но мать ни разу не сказала, что собирается из Находки к ней. На кухне уже стоял знакомый дорожный пакет, а возле дивана — обувь, которую мать снимала всегда одинаково: носками наружу, чтобы легче было надеть.

— Ты как приехала?

— На машине с соседями. Они к сыну. Я тебе написала.

Ася проверила телефон. Сообщение действительно было,

затерявшееся между рабочими вызовами и новостями.

Мать взяла её сумку, отнесла в комнату и вернулась.

— Я приготовила еду. Ты, наверное, опять ела на ходу.

Ася хотела сказать, что на судне едят вполне нормально. Вместо этого обняла мать. Та пахла своим кремом, дорожной пылью и луком, который успела обжарить на кухне. Они постояли так, не меняя положения, пока у Аси не заболела рука, прижатая между ними.

— Мам, отпусти. Я хотя бы разуюсь.

Мать сразу отступила и принялась искать тапочки, лежавшие у самой двери.

В спальне стояла раскрытая дорожная сумка. Ася собрала её ещё перед выходом в море: вещи на трое суток в Находке, чистая рубашка Вадима, маленькая коробка с подарком. На коробке не было надписи. Внутри лежал обычный бумажный альбом с фотографиями их совместных поездок. Вадим всё хранил в устройствах и бесконечно терял нужное среди рабочих папок; Ася решила сделать вещь, которую можно найти без поиска.

Она закрыла сумку, не застёгивая.

На кухне мать рассказывала, как ехали, где пришлось стоять и почему сосед взял с собой три старые канистры, хотя они собирались в город. Ася слушала, ела суп и постепенно замечала, что очень голодна.

— Вадим так и не ответил? — спросила мать.

Ася покачала головой.

— Он умеет возвращаться, — сказала мать.

— Мам.

— Знаю. Это не доказательство. Я не тебе доказываю.

Она убрала пустую тарелку и долго мыла её под краном. Ася смотрела на струю. Вода в их квартире была обычной пресной водой из обычной системы, и всё же теперь трудно было не думать о маленьких кольцах, смыкавшихся в лабораторной ячейке.

* * *

Поспать удалось меньше двух часов. Её разбудила Лика.

— Приезжай. Они хотят свернуть наши образцы в общую группу, а я не понимаю, с чем сравнивают. Твой журнал прочитали через одну страницу.

Ася села на кровати. Голова была тяжёлой, словно внутри неё оставалось немного воды после качки.

— Кто они?

— Хорошие люди в чистой одежде. Один говорит, что нужно действовать согласованно. Я уже почти согласна его ударить.

— Не бей. Еду.

Мать проводила её до двери и сунула в карман маленький свёрток с едой. Ася не стала спорить. Она впервые подумала, что ожидание может оказаться для матери труднее любой работы, которую самой Асе ещё предстоит сделать.

В лаборатории было шумно. Привезённые с моря контейнеры стояли в отдельной зоне, рядом работали люди, которых Ася не знала. Её встретил руководитель смены, проводил к экрану и сразу начал объяснять, что сбор первичных материалов необходимо централизовать.

— Сначала покажите, что вы объединили, — сказала она.

На схеме все образцы обозначили одинаковым цветом. Один происходил с палубы «Нерпы», другой — из воды после прохода неизвестного аппарата, третий собрали на береговой конструкции. Даты различались, условия тоже.

— Это может быть одно вещество, — сказал руководитель.

— Может. А может, одно после работы, другое до, третье вообще не отсюда. Где сохранены отдельные измерения?

Лица из-за его спины показала на второй терминал. Ася подошла к нему и начала восстанавливать последовательность. Руководитель несколько минут стоял рядом, затем ушёл отвечать на вызов.

К тому времени, когда он вернулся, различие стало видно без долгого объяснения. Частицы из свежего распыла активно меняли состав воды; часть палубного образца уже перестала работать. В ёмкости с береговой конструкции лежали преимущественно закрытые кольца. Их размер немного увеличился, а внутри появилась плотная светлая сердцевина.

— Они наполняются, — сказала Ася. — И после этого почти останавливаются.

— Чем?

Она показала результаты отдельного анализа. Из воды уходила часть растворённых веществ. Это не было просто разбавлением: в закрытой ячейке никто не добавлял пресную воду. Точный набор связей ещё проверяли, но исходное направление уже не зависело от одного датчика на «Нерпе».

Руководитель снял очки и протёр их, хотя они были чистыми.

— Вы понимаете масштаб вывода?

— Я понимаю масштаб этих ячеек. Для моря нужны другие измерения.

Он посмотрел на неё, потом на Лику.

— Хорошо. Отдельные серии сохраняем. Я найду людей для повторения.

Это было первое полезное решение за весь разговор. Ася откинулась на стуле и только теперь достала материнский свёрток. Лика молча отломилла половину лепёшки.

В лабораторию вошёл Давид Шольц.

Ася узнала его сразу: они встречались два года назад, когда международная морская программа едва не лишилась судна из-за спора владельцев. Тогда Шольц приехал, провёл несколько неприятных разговоров и добился, чтобы люди закончили сезон. Он не разбирался в каждой научной задаче, зато помнил, кто кому что обещал, и не стеснялся напоминать.

Теперь на нём была та же привычно дорогая, но помятая

одежда. Он поздоровался с Асей по имени, попросил показать результаты и слушал без попыток закончить за неё фразу.

— Не публикуйте пока один этот график отдельно, — сказал он после объяснения. — Его уже называют отравлением океана.

— Я ничего не публиковала.

— Знаю. Предупреждаю, что будет.

— А вы здесь от кого?

Он чуть задержался с ответом.

— Собираем группу связи. Городской штаб, морские службы, несколько научных центров. Похожие группы создают в других местах. Поступило предложение разговора.

Лика положила недоеденную лепёшку на салфетку.

— От кого?

Шольц включил запись.

На экране стояла та же белая полоса над морем, только снятая с берега. Голос произносил слова по-русски уже лучше, чем возле «Нерпы»:

— Перемещение завершено. Жизненная среда поддерживается. Не препятствуйте обслуживанию. Представители поселений получают условия дальнейшего размещения.

Ася почувствовала, как у неё похолодели ладони.

— Дальнейшего чего?

— Размещения, — повторил Шольц. — Именно поэтому нужны люди, которые умеют задавать вопросы и не делать из

одного слова готовый приговор.

— Нас кто-то взял вместе с морем и городами.

— По имеющимся данным — да.

Он сказал это негромко, без нажима. В комнате стало слышно, как работает вытяжка.

— И вы собираетесь обсуждать условия? — спросила Лика.

Шольц повернулся к ней.

— Я собираюсь узнать, что они собираются делать дальше. Если получится — заставить услышать нас. Если не получится — хотя бы не потерять возможность разговора в первые пять минут.

Ася посмотрела на частицы под камерой. Одно из колец ещё оставалось раскрытым. Пока люди выбирали слова, оно медленно собирало своё содержимое.

— Я поеду, — сказала она.

Лика резко повернула голову.

— Куда?

— Туда, где будет разговор.

Шольц назвал время и место сбора. Ася сохранила сообщение, затем отдельно переслала его матери. Ей не хотелось уходить так, чтобы дома снова просто перестали получать ответ.

Перед выходом она вернулась к боксу. На этикетке своего первого образца написала не «загрязнение», как предложил кто-то в общей таблице, а точное место и время отбора.

Назначение чужой работы ещё предстояло узнать.

Глава 7. Предоставленное возвращение

Чужой корабль догнал их без рывка.

На экране расстояние уменьшалось, хотя «Сыч» уже набирал скорость ухода. Жанна меняла направление, не тратя тягу на резкие бесполезные повороты. Плоская машина повторяла её движение с небольшой задержкой, как взрослый человек повторяет шаг ребёнка, которому разрешили побеждать впереди.

Вадим передавал на «Горизонт» всё, что видели камеры. Станция ещё не успела ответить на первое сообщение, когда чужой голос прозвучал снова:

— Внешние люди. Остановите движение. Вам будет предоставлено возвращение.

— Куда? — спросил Вадим в открытый канал.

Ответа не было.

— Куда возвращение? Назовите место.

Жанна взглянула на него, не отрывая правой руки от пульта.

— Не разговаривает. Повторяет.

Рустам уже готовил внешний передатчик. Маленький контейнер должен был отделиться от корабля и продолжить запись самостоятельно. Он показал Вадиму готовность и за-

просил сторону выброса.

— Вниз от плоскости ухода, — сказала Жанна. — Сейчас дам.

Она развернула корабль на несколько градусов, механик нажал выпуск, и на боковой камере появилась маленькая серебряная точка. Контейнер быстро отстал. Перед уходом он успел принять ещё несколько секунд изображения преследователя.

Потом звёзды остановились.

Вадим почувствовал давление ремней, хотя приборы не показали привычного торможения. В кабине что-то хрустнуло. Рустама, стоявшего у задней панели, ударило плечом и виском о край шкафа. Он удержался за поручень и выругался.

— Что с движением? — спросил Вадим.

Жанна молча показала два поля. По собственным датчикам «Сыч» продолжал исполнять программу. По внешней картине он оказался почти неподвижен относительно чужой машины. Между этими двумя сведениями не было нормального перехода.

Вокруг корабля проступила слабая светлая поверхность. Она была видна только там, где на неё падал солнечный луч, и напоминала край прозрачной мыльной плёнки. Выброшенный передатчик остался снаружи.

— Температура на выходе растёт, — сказал Рустам.

Вадим посмотрел на двигатель. Система сброса тепла ра-

ботала, но за кормой светилась широкая область, которой там не должно было быть. Отработанная струя не уходила свободно.

— Убирай тягу, — сказал механик.

— Нас заберут.

— Нас уже забрали. Не сожги корабль.

Жанна отключила двигатель прежде, чем Вадим успел повторить приказ. Свет за кормой начал тускнеть. Чужая машина сменила положение, и «Сыч» последовал за ней всем корпусом, не поворачиваясь носом.

Вадим попытался включить аварийный передатчик. Связь с отделившимся контейнером ещё держалась, затем ослабла. Он успел отправить направление и последнюю картинку. В ответ пришёл обрывок голоса Ганиной:

— Корнев, не входите...

Чаши приближались сбоку.

Он прижал ладонь к пульту, чтобы она перестала дрожать, и сказал:

— Нас ведут. Запись снаружи. Берегите...

Последнюю фразу он не закончил. Не знал, кого именно успеет попросить беречь.

Кольцо между чашами стало широким. Чёрная поверхность отступила в глубину, и за ней появились огни, которые они видели через автомат. Жанна повернула голову к Рустаму. Механик сидел на полу, закрепив себя ближайшим ремнём, и прижимал к виску салфетку. Из небольшой ранки

текла кровь.

— Мы не выбирали, — сказала она.

Рустам посмотрел на неё и кивнул.

Вадим снова увидел синий край планеты.

* * *

На переходе не было ни вспышки, ни тоннеля. Солнечный свет исчез, холодные огни вытянулись в полосы, затем снова собрались в точки. Вадиму стало дурно. Он закрыл глаза и держал их закрытыми, пока внутреннее ощущение поворота не прошло.

Когда открыл, Земля занимала половину обзорного поля.

Она была живой. Облака двигались, на тёмной стороне светились города, и этот свет был настолько знакомым, что первые секунды он не замечал ничего другого. Потом увидел узкую решётку над облачным краем. От неё уходили в сторону длинные прямые линии, сходящиеся у светлого предмета, похожего на разрезанный белый диск.

Солнца здесь не было.

Вернее, среди далёких точек наверняка были звёзды, но ни одна не освещала Землю так, как полагалось. Свет давал белый диск. Он медленно менял наклон относительно планеты, и вместе с ним двигалась граница дня.

— Записывается? — спросил Вадим.

— Всё, — ответила Жанна.

Её голос дрогнул. Она провела пальцами по экрану, увеличивая край суши, затем вернула общий вид.

— Вот она. Вот же она.

Рустам поднялся с пола и закрепил салфетку пластырем. Он тоже смотрел на планету. На мгновение Вадим почувствовал почти благодарность к машине, которая их схватила: она доставила их сюда, туда, куда он сам не смог бы проложить путь. Это чувство было таким сильным и таким унижительным, что он отвёл глаза.

Чужое пространство вокруг Земли оказалось огромным. Дальние огни стояли в несколько рядов. Между ними двигались машины разных размеров, а за одной из конструкций виднелась другая сфера, буро-красная, с яркой полосой облаков. Она не могла быть Марсом. Размеры и расстояния ещё ничего не говорили, но рисунок был чужим.

«Сыч» подвели к вытянутой раме. Захваты сомкнулись возле корпуса, не попав ни в одно из предусмотренных человеческих креплений. Вадим услышал, как снаружи что-то проехало вдоль обшивки. Затем рядом с боковым шлюзом возникла тёмная поверхность.

По связи снова заговорили:

— Сохраняйте оболочку до уравнивания. Не повреждайте место соединения.

— Кто вы? — спросил Вадим.

— Сохраняйте оболочку до уравнивания.

Жанна закрыла внешний звук.

— Я сейчас начну ненавидеть это слово.

На шлюзовом пульте загорелась готовность наружного объёма. Это не означало, что воздух снаружи пригоден для человека. Рустам проверил показания, включил отдельный датчик и прикрепил его к запястью. Все трое надели шлемы.

Вадим оставил бортовую запись включённой, а копию последних данных перенёс в носимый блок. Он не пытался спрятать его в хитрый тайник: неизвестно, что здесь умеют видеть. Просто закрепил рядом с аварийным инструментом, который обычно носил с собой.

В дверь ударили.

Удар был не громким. Кто-то снаружи, кажется, пробовал человеческий материал на твёрдость. Затем по краю люка медленно прошла светлая линия.

— Они могут открыть сами, — сказал Рустам.

Вадим посмотрел на обоих.

— Выходим вместе. Не разбредаемся. Если нам что-то предлагают — сначала смотрим.

— Это ты сейчас нам или себе? — спросила Жанна.

— Всем.

Она кивнула и встала рядом.

* * *

Первое чужое живое существо оказалось занято инструментом.

Оно стояло за открывшейся дверью, низкое, широкое, на четырёх опорах, и держало перед собой тонкую дугу. Две маленькие передние руки двигались быстро, перебирая выступы на её внутренней стороне. На голове поднимались ребристые гребни. Ни глаз, ни рта Вадим сначала не разглядел.

Существо отступило, пропуская людей. Позади него висел на небольшой высоте гладкий тёмный шар с тремя короткими выступами. Один из выступов повернулся к Вадиму, другой — к Жанне. Этого было достаточно, чтобы не принять шар за украшение.

В переходе появилась тяжесть. Слабая, непривычная, направленная к серой поверхности под ногами. Вадим осторожно поставил второй ботинок. Рустам придержал его за плечо и показал на датчик: давление устойчивое, состав ещё проверялся.

Существо подняло дугу к шлему Вадима. Он отступил. Дуга остановилась. Тогда чужой повернул её к собственной голове, провёл вдоль гребня и снова предложил человеку.

— Осмотр, — сказала Жанна.

— Или он показывает, куда бить, — ответил Рустам.

Вадим остался на месте. Дуга прошла рядом со стеклом, не касаясь его. На ней вспыхнули мелкие знаки. Существо повернулось к шару, издало короткий треск, затем занялось Рустамом.

Оно задержалось возле салфетки у виска. Одна тонкая рука коснулась собственного бока, где виднелась тёмная склад-

ка старого повреждения. Затем указала на человеческую кровь.

— Небольшой порез, — сказал Рустам, хотя понимал, что его, скорее всего, не слышат как речь. — Я ещё поживу, спасибо.

Чужой достал плоскую прозрачную пластину и протянул ему. Механик не взял. Существо подержало пластину ещё несколько секунд, потом положило на выступ стены.

Вадим заметил, что одна из задних опор у него движется хуже других. Чужой берег её при развороте, переносил вес вперёд и лишь потом переставлял. Этот небольшой недостаток оказался понятнее всего остального. Кто-то, способный находиться здесь, тоже мог неудачно повредить ногу и продолжать работать.

Шар издал звук. Существо сразу убрало инструмент и отошло к стене.

В полу загорелась полоса. Она вела дальше по переходу.

— Возвращение предоставляется после учёта, — произнёс голос.

— Мы хотим связаться со своей планетой, — сказал Вадим.

Полоса продолжала светиться. Шар приблизился на полметра. Жанна взяла Вадима за рукав и потянула вперёд.

Они пошли.

Переход был устроен для существ разного роста. На стенах тянулись поручни на нескольких уровнях, часть пола

уходила в неглубокий канал, а у дверей стояли устройства, похожие на съёмные ступени. Вадим пытался запомнить повороты. После третьего понял, что повторить дорогу без записи уже не сможет, и включил камеру на груди.

Шар сразу повернулся к ней. Вадим остановился.

Из одного выступа вышла тонкая полоска света. Камера погасла. На человеческом устройстве не осталось следа, но включить его снова не удалось.

— Запись запрещена, — сказал голос.

Жанна посмотрела на свой шлем. Её камера тоже перестала работать.

* * *

Их оставили в помещении с тремя низкими площадками. Над каждой висела мягкая петля, напоминавшая одновременно ремень и подголовник. В углу стояли закрытые ёмкости; одна была прозрачной и содержала жидкость. Дверь за людьми закрылась без видимого движения створки: проход просто заняла тёмная плоскость.

Рустам проверил воздух ещё раз. После этого открыл забрало на несколько сантиметров, вдохнул и выждал. Жанна сердито посмотрела на него, но он показал результаты двух датчиков.

— Наши приборы говорят, что дышать можно. Мы не просидим в скафандрах до старости.

Вадим тоже открыл шлем. Воздух пах чем-то сухим и горьковатым, как нагретая кора. В помещении было прохладно. Он снял шлем, положил рядом и сел на площадку.

Несколько минут никто не говорил.

Жанна изучала дверь. Рустам осмотрел порез в отражении выключенного экрана, обработал его своим средством и приклеил новую салфетку. Вадим включил носимый блок. Основная память работала, но его приёмник не находил ни одной человеческой сети.

— Мы видели Землю, — сказал он.

— Да, — ответила Жанна.

— Она жива.

— Да.

Он посмотрел на неё. Навигатор стояла у двери, прижимая ладонь к тёмной плоскости.

— Я не прошу тебя радоваться.

— А я не запрещаю тебе. Просто у меня отец на этой планете, и сейчас кто-то решает, положена ли мне прогулка.

Вадим опустил глаза.

Рустам развернул одну из упаковок человеческой еды. Поделил её на три части, хотя запасов на костюмах пока хватало каждому. Жанна вернулась и села рядом. Они ели сухие кусочки, которые пахли домом сильнее, чем должны были.

На стене появилось изображение «Сыча». Вокруг корабля двигались небольшие машины. Одна отсоединяла наружный наблюдательный блок, другая исследовала крепление запас-

ного бака. Вадим встал.

— Не трогайте двигатель, — сказал он. — Там опасно.

Изображение приблизилось к корме. Видимо, его всё-таки понимали. Он указал, где находилась горячая зона, и несколько раз повторил слова. Машина остановилась, передала сигнал другой, затем обе ушли в сторону.

Внизу изображения возникла строка на русском:

«Три внешних представителя. Возврат в состав биосферы после подтверждения совместимости».

Рустам медленно вытер пальцы.

— Совместимости с чем?

Строка сменилась новой:

«До завершения учёта перемещение ограничено».

Жанна посмотрела на низкие площадки, на воду в углу, на дверь.

— Ну вот, — сказала она. — Вернулись.

Вадим снова сел. За тёмной стеной находилась Земля, так близко, как не была все последние месяцы. Между ним и Асей теперь лежало расстояние, которое нельзя было измерить по знакомой карте.

Глава 8. Условия размещения

Наутро Ася поехала на встречу с пустой бутылкой.

Шольц заметил её у входа в служебный павильон и спросил, неужели организаторы забыли воду. Она показала ему чистую лабораторную этикетку.

— Хочу, чтобы они дали свой образец. Сами. И сказали, что в нём должно быть.

— Вы думаете, это будет надёжнее?

— Нет. Но тогда у нас будет их ответ рядом с тем, что они оставили на палубе.

Он улыбнулся одними глазами и пропустил её вперёд.

За длинным столом ждали четверо. Ася знала руководителя лаборатории и врача из городского штаба; остальных представили быстро, по именам и задачам. Одна женщина занималась энергоснабжением, мужчина возле неё — портовой работой. Все выглядели так, будто уже провели слишком много встреч, ни на одной из которых никто не сумел отменить случившееся.

В конце зала стояла чужая конструкция.

Она появилась на береговой площадке утром. Люди видели, как из воды поднялась тёмная плита, раскрыла нижние опоры и самостоятельно прошла по причалу. Никто не мог сказать, каким образом она удерживала равновесие. Теперь плита стояла у окна; её поверхность отражала людей с за-

позданием, и это раздражало сильнее любой торжественной угрозы.

Охрана держалась у входов. Ася увидела на улице знакомую жёлтую машину городской службы и человека, который пытался отогнать от неё любопытных. Над водой висели несколько обычных человеческих съёмочных аппаратов. Один подошёл ближе к плите. Из её верхнего края выдвинулся тонкий стержень.

— Уведите, — сказал Шольц в гарнитуру.

Аппарат продолжал двигаться. Ася не знала, принадлежал ли он журналистам или кому-то из специалистов. Стержень повернулся. Возле аппарата вспыхнул свет, и тот развалился на две части. Одна упала в воду, другая ударилась о настил. Люди снаружи бросились к стене.

В зале все встали.

Шольц быстро спросил по связи, есть ли пострадавшие. Ему ответили, что осколком задело женщине руку, помощь уже подошла. Он повторил это вслух, затем повернулся к плите.

— Мы не начинали нападения.

Поверхность потемнела. На ней возникла фигура — высокая, узкая, составленная словно из нескольких тяжёлых складок. Три светлых участка двигались в верхней части, а ниже расходились два длинных отростка. Ася не могла понять, изображение ли это живого тела или выбранный для разговора знак.

— Воздействие на приёмный узел прекращено, — сказал голос.

— Это была камера.

— Предмет пересёк запретную область.

— Вы не сообщили нам её границу.

Перед плитой вспыхнула тонкая линия. Она прошла по полу, поднялась к потолку и обозначила объём, внутри которого стояла чужая вещь. Шольц долго смотрел на линию, затем сел.

— Теперь сообщили. Так нельзя делать с людьми.

Фигура не ответила. Ася тоже села, удерживая бутылку обеими руками. За окном кто-то всё ещё бегал. Ей хотелось выйти и посмотреть, насколько серьёзно ранена женщина, но врач уже получил подробности и отправил одного из своих сотрудников.

— Назовите себя, — сказал Шольц.

Звук, пришедший в ответ, не совпал с последовавшими за ним словами. Сначала послышался глубокий скрип, потом голос перевода произнёс:

— Кел-Эн. Управление переходом и подготовкой среды.

— Давид Шольц. Группа связи Владивостока. Мы не представляем всех людей Земли. Перед нами стоят вопросы, которые касаются всех, поэтому запись будет передана дальше.

— Запись допускается.

Ася включила свой телефон. На этот раз чужой стержень

не двигался.

* * *

Первые вопросы задавали все сразу. Где находится Земля? Что произошло с Луной? Когда вернётся настоящее солнце? Сколько продлится отключение связи? Кел-Эн отвечал после пауз, и ответы иногда относились к предыдущему вопросу, а иногда не относились ни к одному.

Шольц остановил разговор. Попросил говорить по очереди и сначала получить подтверждение, что вопрос понят. Мужчина из порта возмутился: они не на школьном уроке. Шольц сказал, что именно поэтому не стоит кричать всем одновременно.

Ася смотрела на чужую фигуру. Её нижние отростки иногда двигались независимо от верхних светлых участков. В одном месте поверхность дрогнула, показав фон — несколько огней и проходящую тень. Значит, изображение откуда-то передавали.

— Вы перенесли нашу планету? — спросил Шольц.

— Перемещение завершено.

— Верните её.

Пауза оказалась долгой. Никто не заговорил раньше ответа.

— Возврат не входит в текущую подготовку.

— Мы не давали согласия на перемещение.

— Согласование местных поселений не является условием изъятия среды.

Мужчина из порта ударил ладонью по столу. Ася вздрогнула, ожидая новой вспышки, но плита не отреагировала.

— Кто дал вам право?

— Переход выполнен по подтверждённому заказу.

— Чьему заказу?

Фигура немного повернулась. Три светлых пятна на ней вытянулись в узкие полосы.

— Эти сведения не относятся к размещению местного населения.

Шольц наклонился вперёд.

— Тогда вы неправильно понимаете предмет разговора. Мы хотим знать, почему у нас забрали наш мир.

— Ваши поселения сохранены.

— Мир — не только поселения.

Ася услышала собственный голос и удивилась, что сказала это вслух. Кел-Эн повернулся в её сторону.

— Объясните.

Она поставила бутылку на стол.

— Вы меняете воду. Ваш аппарат прошёл возле нашего судна, оставил вещество, которое забирает часть растворённых солей. Это не хранение. Что вы делаете с океаном?

— Подготовку.

— Для чего?

— Для следующего состояния среды.

Она стиснула края стула. Хотелось назвать его вором, убийцей, чем угодно, чтобы наконец получить человеческую реакцию. Но перед ней могло не существовать того места, куда попадали такие слова.

— В этой воде живут организмы, — сказала она. — Они зависят от состава воды. Вы его меняете. Вы собираетесь сохранить их или заменить?

Впервые Кел-Эн ответил быстро:

— Основные связи сохраняются. Непригодные формы удаляются из рабочей области.

Врач поднял голову.

— Что значит «формы»?

— Формы жизни, несовместимые с подготовленным состоянием.

Никто больше не стучал по столу.

Ася посмотрела на Шольца. Тот сидел неподвижно, только пальцы на краю блокнота медленно сжимались.

— Люди входят в это определение? — спросил он.

— Людям предложены места размещения.

— Где?

На поверхности плиты появилась карта Земли. Ася узнала очертания материков и сразу заметила чужие линии. Они резали побережья широкими полосами, уходили в океан, соединялись там с большими светлыми пятнами. Некоторые участки суши были выделены другим цветом.

— Это временное размещение? — спросила женщина из

энергослужбы.

— До завершения приёмки.

— А после?

— Будут определены дальнейшие условия.

Шольц опустил голову, несколько секунд что-то писал, затем попросил передать карту в доступном людям виде. Кел-Эн согласился. Ася смотрела, как изображение появляется на обычном экране, и испытывала отвращение к собственной радости: они получили сведения. Получили карту того, что с ними собираются сделать.

* * *

Когда вопросы снова пошли по кругу, Ася подняла бутылку.

— Мне нужен образец воды после вашей подготовки. И описание, какой состав вы собираетесь получить.

— Запрос относится к обслуживанию.

— Да. К тому самому обслуживанию, которое сломало человеку руку на нашем судне.

— Плавающие оболочки должны оставаться вне проходов техники.

— Мы не знали проходов. Как вы узнаете наши места, если даже не спрашиваете, кто там работает?

Кел-Эн замолчал. Шольц не вмешивался. Ася поняла, что впервые задала вопрос, на который у него, возможно, нет го-

товой фразы.

На карте увеличился участок возле Владивостока. Появились линии движения аппаратов. Одна проходила неподалёку от пути «Нерпы». Ася наклонилась ближе: её работа в день исчезновения солнца оказалась маленькой точкой на чужом чертеже.

— Эти данные необходимо передать капитанам, — сказал мужчина из порта.

— Данные предоставлены.

— Предоставьте заранее. До прохода.

— Следующее обновление будет выдано до начала следующего прохода.

Так возникло первое соглашение. Никто не радовался. Ася попросила разрешить морской группе наблюдать один аппарат на близком расстоянии и взять образцы до и после. Она ожидала отказа, но Кел-Эн показал точку на карте.

— Техническое участие местных специалистов допускается.

Шольц повернулся к ней.

— Вы понимаете, что это значит?

— Пока нет. Хочу понять.

Он попросил уточнить условия. Встреча затянулась. Они добились отдельного времени подхода, связи с аппаратом и запрета на проход техники рядом с человеческим судном в этот период. Кел-Эн не признавал прежнюю травму своей виной и не обещал прекратить изменения воды.

Затем женщина из энергослужбы сообщила о повреждении нескольких прибрежных установок. Убытки и перебои были настоящими, и помощь требовалась сейчас. Кел-Эн предложил временные источники питания. Врач спросил о станциях на орбите. Часть из них нуждалась в доставке людей на Землю, а прежние схемы полётов не работали.

— Спуск внешних объектов возможен после согласования границ, — ответил Кел-Эн.

Ася сразу поднялась.

— Внешних? С Луны тоже?

Он повернулся к ней.

— Уточните.

— Люди остались у прежней Земли. На спутнике. На кораблях. Вы можете связаться с ними?

— Источник обслуживается.

— Передайте сообщение.

Она назвала Вадима, корабль, станцию. Шольц положил ладонь на стол перед ней, но не стал останавливать. Кел-Эн выслушал и произнёс:

— Индивидуальное сообщение принято без срока исполнения.

Ася поняла, что готова ждать даже этого. Ей стало стыдно перед собственными вопросами, которые она задавала всего несколько минут назад, но она повторила имя мужа и попросила подтвердить запись.

Подтверждение пришло текстом.

После разговора тёмная плита закрылась. Кел-Эн исчез, но конструкция осталась в павильоне, заняв своей запретной областью почти треть зала. Люди вышли на улицу. Женщину, раненную осколком камеры, уже увезли. На настиле возле воды лежал след, который кто-то пытался смыть из шланга.

Ася остановилась рядом. Шольц подошёл через несколько секунд.

— Вы получили своё окно для наблюдения, — сказал он.

— А они получили людей, которые помогут им разобраться с нашим морем.

— Вы собираетесь помогать им?

Она посмотрела на него.

— Я собираюсь смотреть, что они делают.

— Тогда смотрите. Сейчас у нас нет другого способа узнать.

Он не выглядел довольным исходом. Это немного облегчило её злость. Ася спросила, будет ли опубликована запись целиком.

— Да. С разметкой вопросов и точными ответами. Без моего пересказа.

— И карта?

— Тоже. Людям нужно знать, куда пойдёт техника.

Он отошёл отвечать на вызов. Ася достала телефон и позвонила матери. Та спросила, поела ли она, а потом сама раздражённо махнула на себя рукой, когда включилось изображение.

— Что я всё про еду. Ты как?

Ася посмотрела на воду за причалом.

— Они сказали, что передадут Вадиму сообщение.

Мать закрыла глаза. Потом открыла и спросила:

— Ты им веришь?

— Нет.

— А ждёшь?

— Да.

Мать кивнула. Ася поняла, что впервые за эти двое суток не должна объяснять разницу.

Она пошла к выходу с площадки. Пустая бутылка болталась в сумке, ударяясь о блокнот. Образца ей так и не дали — вместо него назначили время, когда можно будет самой подойти к чужой работающей машине.

Глава 9. Руки для чужой работы

В первую ночь Жанна разбудила Вадима, прижав палец к его губам.

Он сел так резко, что мягкая петля над ложем ударила по затылку. Навигатор показала на дверь. За тёмной плоскостью кто-то скрёб — три коротких движения, остановка, ещё два. Рустам уже сидел на соседней площадке со своим аварийным резакom в руке. Лезвие оставалось убранном.

Вадим подошёл к двери и прислушался. Скрежет прекратился.

— Здесь люди, — произнёс он негромко.

Ему не ответили. Внизу двери возникла щель, затем выползло что-то тонкое и серое. Рустам направил на него фонарь. Предмет изогнулся, ощупал пол и втянулся обратно.

— Замеряют, — сказала Жанна.

— Может быть, кормить пришли.

— Тогда я предпочту своё.

Тёмная поверхность отступила. За ней стоял знакомый низкий чужой с дугой. В этот раз его сопровождал не шар, а плоская машина на четырёх маленьких опорах. На ней лежали три прозрачных мешка.

Чужой показал на мешки, потом на людей. Вадим увидел внутри каждой сложенную ткань и мягкую обувь, сделанную словно по общему представлению о человеческой ноге.

На подошвах не было ни рисунка, ни шва. Рустам взял один мешок, изучил застёжку и поднял глаза на чужого.

— Скафандры сдавать не будем.

Существо не двинулось. Где-то над дверью щёлкнуло, и знакомый голос произнёс:

— Внешние оболочки проходят обработку отдельно. Изолированное хранение продлевает учёт.

Жанна прижала к боку шлем.

— Пусть продлевает.

Вадим показал, что они оставят мешки, но одежду не сме-
няют. Чужой подождал. Затем одной тонкой рукой коснулся
повреждённого места на своём боку и указал на Рустамов
пластырь. Механик осторожно провёл пальцем возле раны.

— Лучше, — сказал он. — Уже лучше.

Чужой издал два сухих щелчка. Вадим повторил их,
неумело ударив языком о нёбо. Ребристый гребень существа
приподнялся. Оно коснулось груди, ещё раз щёлкнуло, по-
том отрывисто выдохнуло.

— Ит? — спросил Вадим.

Существо повторило звук.

— Вадим.

Он ткнул себя в грудь. Жанна показала на себя, Рустам
последовал её примеру. Ит не стал воспроизводить имена.
Перебрал пальцами край дуги, и на ней появились три ма-
леньких светлых пятна.

Когда он ушёл, Жанна села на ложе и стащила тяжёлые

перчатки.

— Мы познакомились с человеком, который выдаёт нам тюремные тапочки.

— Он не человек, — сказал Рустам.

— Это единственное, что тебя смущает?

Механик взял мягкий ботинок, растянул отверстие и заглянул внутрь.

— Меня смущает, что он сделал их на две правые ноги.

Жанна отобрала ботинок, проверила и впервые за всё время коротко рассмеялась. Потом смех прошёл. Она поставила чужую обувь рядом с площадкой так аккуратно, будто приготовила её к завтрашнему утру дома.

* * *

Утром — они решили считать утром восемь часов после того, как легли, — принесли человеческую еду.

Это были их собственные запасы с «Сыча». Упаковки лежали в прозрачном ящике без внешних этикеток. Вадим узнал одну по надорванному углу: Рустам открыл её перед посадкой на Луне и передумал есть. Теперь чужие машины рассортировали содержимое, оставив отдельно плотные брикеты и пакеты с напитками.

— На корабле были ещё трое суток, — сказал механик.
— На троих. Дальше начнём выяснять, чем здесь питаются.
Вадим подошёл к стене, где вчера показывали корабль.

— Мы хотим вернуться на Землю.

Стена осталась серой.

— К людям. Вы обещали возвращение.

Жанна положила перед собой навигаторский блок. Его память работала. Она несколько раз просматривала запись собственного полёта, оставшуюся до выключения камер, и рисовала пальцем на экране. Вадим видел, как она снова и снова совмещает положения белого диска, Земли и далёких сооружений.

— Сколько ни считай, адреса не появится, — сказал он.

— Я не адрес считаю.

Он хотел спросить что именно, но навигатор подняла руку, требуя ещё минуту. Вадим отошёл. Эта чужая комната начинала выдавливать из него терпение. Даже молчание товарищей раздражало, хотя вчера без них он не выдержал бы и часа.

На стене внезапно вспыхнул «Сыч».

Рустам сразу перестал жевать. У кормы корабля висела разложенная машина. Один её рычаг уходил под защитный кожух, второй держал снятую секцию. По обшивке тянулся светлый след.

— Они вскрыли внешний контур, — сказал механик. — Зачем?

След расползлся. Из-под кожуха вылетели капли и тут же вытянулись в ровную струйку к чему-то за краем изображения.

— Прекратите разборку, — сказал Вадим.

Голос ответил без паузы:

— Требуется безопасное отделение энергетического узла.

— Он не отделяется в таком положении!

Рустам встал рядом и начал показывать, какие крепления нужно оставить. Машина на экране замерла, но жидкость продолжала уходить. Он несколько раз повторил требование закрыть определённый клапан. Изображение повернулось к другой стороне двигателя.

— Они не знают, где, — сказала Жанна.

— Я вижу, что не знают.

— Тогда попроси отвести тебя туда.

Вадим посмотрел на дверь. Мысль показалась слишком простой, почти подозрительной. Он произнёс:

— Мы сделаем это сами. Нас троих надо вернуть к кораблю.

На стене появились три человеческих силуэта. Два потемнели. Рустамов остался светлым.

Механик шагнул вперёд, но Вадим удержал его.

— Вместе. Там нужны двое снаружи и человек на управлении. Иначе вы повредите узел, который хотите получить.

Это было не совсем ложью. Контур можно было закрыть и одному, если дать ему нормальное время, доступ и инструменты. Ни в одном из этих условий Вадим не был уверен.

Светлый силуэт погас. Несколько секунд ничего не происходило. Потом открылась дверь. Люди надели шлемы и про-

верили закрытие забрал, прежде чем выйти в незнакомые помещения.

Ит ждал за ней с тремя гибкими лентами. Одну он обернул вокруг собственной передней опоры, показывая, как застёгивается. Лента сама сомкнулась и начала светиться.

Жанна посмотрела на неё.

— Вот теперь похоже на экскурсию.

* * *

Ленты закрепили поверх скафандров, чуть выше ботинок. Когда Вадим попытался отвести ногу от светлой дорожки на полу, лента потяжелела. Не ударила, не обожгла — просто стала тянуть вниз с такой силой, что колено согнулось. Он вернул ногу на полосу. Вес исчез.

Шар плыл позади. Ит шёл первым, прихрамывая сильнее, чем в прошлый раз. Вадим запоминал повороты уже без камеры: широкий проход, уступ справа, две низкие двери, затем длинный спуск. Навстречу прошли четыре существа, похожих на Ита. Они вели платформу с прозрачными контейнерами. В одном лежала свёрнутая живая масса; у стенки медленно раскрывался веер тёмных пальцев.

Жанна остановилась. Лента на её ноге вспыхнула, и навигатор пошла дальше.

Проход закончился галереей над большим залом. Внизу стояли небольшие корабли — не в ряд, а в углублениях, ко-

которые повторяли их формы. Один был похож на человеческую лодку, другой представлял собой толстый диск с бахромой из труб. Между ними двигались машины. В дальнем конце люди увидели «Сыч».

Вадим испытал радость, настолько острую, что почти простил кораблю всё: тесную кабину, плохо закрывающийся ящик под креслом, запах старого уплотнителя. Крыльца шлюза здесь не было, и казалось, что «Сыч» стоит босиком.

Рустам уже смотрел только на двигатель.

— Уберите рычаг, — сказал он. — Вот этот. Медленно.

Ит остановил машину своей дугой. Показал механику набор чужих инструментов. Рустам отверг их и указал на бортовой отсек. После короткого ожидания ему позволили достать собственную сумку.

Жанну повели к люку, Вадима оставили возле кормы. Ленты теперь светились бледным зелёным. Ит разложил на полу два узких коврика. Когда Вадим наступил на один из них, тот приподнялся, подводя его к открытой секции.

— Без поручня, — сказал он. — Серьёзно?

Ит не понял. Вадим показал руками опору, затем покачнулся. Чужой подумал, вынул из борта платформы гибкую скобу и выгнул её вверх. Вадим ухватился за скобу.

— Спасибо.

Гребень Ита дрогнул. Возможно, он различил интонацию. Возможно, просто следил за движением.

Рустам добрался до клапана и выругался. Чужая машина

срезала не тот кожух. Закрывающий рычаг остался под ней, а открытая линия продолжала терять жидкость.

— Жанна, питание малого привода есть?

— Есть. Управление пустило. Главный пуск заблокирован снаружи.

— Главный не трогай. Мне третий вспомогательный.

Вадим протянул руку за сумкой. Лента на ноге сразу стала тяжёлой; коврик наклонился. Он едва не сорвался, но удержался за скобу. Шар повернул выступ к нему.

Ит резко щёлкнул. Потом ещё раз, громче. Шар остановился. На дуге вспыхнул рисунок, и давление на Вадимову ногу ослабло.

— Ещё немного свободы, — пробормотал Вадим. — Нам бы совсем чуть-чуть.

Рустам снял повреждённый штуцер. Струя ударила сильнее. Вадим подал ему заглушку, придержал край гибкого рукава. Тот был скользким, перчатка норовила сойти. Ит поднялся на задних опорах, достал до рукава своими маленькими руками и зажал его ниже разрыва.

Рустам посмотрел на чужие пальцы.

— Не держи здесь. Затянет.

Он показал другое место. Ит переставил руки, и механик включил привод.

Внутри кормы загудело. Шар сразу приблизился. Жанна из кабины сказала, что внешний запрет снимает питание. Рустам держал рычаг двумя руками, не давая пружине вернуть

его в открытое положение.

— Мне шесть секунд!

Вадим поднял ладонь к шару. Тот продолжал опускаться. Он не знал, сработает ли голос, не знал, понимают ли его здесь прямо сейчас, и всё же крикнул:

— Не отключайте! Разорвёт линию!

Ит ударил дугой по ближайшему выступу машины.

Питание вернулось. Рустам досчитал вслух до шести, зафиксировал рычаг и отпустил. Струя прекратилась. Последние капли повисли в прозрачном сборнике, который чужая машина выставила под кормой.

На несколько мгновений работа у кормы замерла. Потом Ит убрал руки.

Шар повернулся к нему.

Из выступа выскочила короткая белая искра. Чужой опустился на все четыре опоры. Одна из передних подогнулась. Дуга звякнула о настил.

— Он помог нам! — сказал Вадим.

Шар не ответил. Ит поднял дугу, прижал её к нижней части туловища и отступил. Он не смотрел на людей — Вадим теперь различал две тёмные щели под гребнем и считал их глазами. Лента на человеческой ноге снова стала тяжёлой.

Голос произнёс:

— Работа завершена. Вернитесь в отведённый объём.

У «Сыча» им дали забрать только сумку с инструментами и остаток пищевого запаса. Сумку просветили. Рустам настаивал, чтобы каждую вещь положили обратно на своё место. Пока машина перебирала ключи, Вадим смотрел на корабль.

— Мы не разрешаем его разбирать.

— Объект включён в технический учёт.

— Это наш корабль.

— Принадлежность установлена.

— Тогда верните.

Голос умолк. Вадим сделал шаг к люку. Лента потянула вниз, и он остановился с поднятой ногой, нелепо, как человек, забывший, зачем встал со стула.

Жанна взяла его за локоть.

— Пойдём.

— Ты же была внутри.

— Была.

— Мы могли бы...

— Нет, Вадим. Не могли.

Она сказала это тихо, и он понял, что она уже пыталась. Не включала двигатель — проверяла замки, питание, возможность отделения, всё, что умела. Он опустил ногу и пошёл вместе с ней.

В коридоре Ит неожиданно повернул к маленькой нише.

Шар остановился возле выхода, пока чужой укладывал дугу в гнездо. Вадим увидел на стене изображение нескольких существ того же вида. Они стояли тесной группой возле круглого тёмного входа. Одно, совсем маленькое, держалось передними лапами за гребень взрослого.

Ит заметил его взгляд и закрыл изображение ладонью.

Вадим отвёл глаза. Внезапно ему стало неловко, словно он заглянул в чужой карман.

Обратно их повели другой дорогой. Она проходила возле прозрачной стены. Земля находилась за ней — уже не огромным краем, а целым шаром, обрамлённым далёкими огнями.

— Мы движемся, — сказала Жанна.

Вадим подошёл ближе, насколько позволяла лента. Знакомые материки поворачивались под облаками. Он не мог различить Владивосток, но знал, на какой стороне искать.

— Куда нас везут?

Ит остановился. Показал на Землю, затем на себя и людей. Развёл руки в разные стороны.

— Нет, — сказал Вадим. — Нет. Мы должны туда.

Чужой повторил движение. Потом ткнул пальцем в свой бок, где темнела складка старой раны, и покачал гребнем. Вадим не понял. Сердце колотилось так, что трудно было слушать даже собственное дыхание.

Голос над проходом произнёс:

— Неучтённые внешние объекты следуют к месту определения. Возврат в биосферу возможен после решения.

Шар приблизился, заставляя идти. Вадим не двигался.

Жанна встала между ним и шаром.

— Посмотри на меня.

Он продолжал смотреть на Землю.

— Вадим. Здесь три человека. Мне нужен пилот. Ему нужен пилот. Твоей жене тоже понадобится живой пилот, когда мы найдём, чем вернуться.

Он повернулся к ней. Впервые за годы работы Жанна обращалась с ним как с раненым, которого надо вывести из опасного места. Ему захотелось грубо оттолкнуть её. Вместо этого он взял её за плечо, выдохнул и пошёл.

За спиной оставался синий шар. Вадим не оглянулся, пока стена не скрыла его целиком.

* * *

Вернувшись в комнату, люди сняли шлемы. Рустам высыпал инструменты на пол.

— Что ищешь? — спросила Жанна.

— Один ключ был тёплым.

— Они всё просвечивали.

— Я знаю, каким он должен быть на ощупь.

Он раскрыл рукоять небольшого зажима. Внутри, там, где обычно хранился запасной наконечник, лежала узкая серая полоска. Механик вынул её и положил на ладонь. Полоска дрогнула, вытянулась и показала три бледных пятна.

Таких же, какие появились на дуге Ита после знакомства. Жанна сразу подошла к двери. Прислушалась, вернулась и села на пол рядом с Рустамом.

— Он положил?

— Больше никому.

— Или это проверка.

Вадим присел напротив. Полоска лежала между ними, ничем не напоминая оружие или ключ. На ней появилась крохотная фигура низкого существа, затем три человеческих силуэта. Между ними медленно тянулась линия.

— Он хочет говорить, — сказал Рустам.

Вадим подумал о чужой маленькой лапе на гребне взрослого. О белой искре, после которой Ит едва удержался на ногах. О том, как легко принять любую протянутую руку за спасение, когда тебя уводят от дома.

Он коснулся одного человеческого силуэта.

Полоска погасла. Через секунду на ней возникло новое изображение: сумка с инструментами, дверь и маленький огонь над ней.

Огонь зажигался и гас. Жанна считала промежутки, глядя на свои часы.

Вадим сел удобнее и придвинулся ближе. Впервые с момента захвата им было что делать без чужого приказа.

Глава 10. Море под опись

На «Нерпу» Ася пришла с двумя бутылками и пакетом пирожков.

— Мать велела всех накормить, — сказала она Лике. — Не спорь. У неё теперь свободное время и нет нормального неба.

Лика заглянула в пакет.

— С чем?

— Не знаю.

— Это научный подход.

Они поднялись на борт. На месте, где Савва ударился о стойку, ещё оставалась тёмная полоса. Кто-то вымыл настил, но не добрался до нижней стороны поручня. Ася задержалась, потом позвонила моряку. Тот ответил с набитым ртом. Сидел дома, левая рука лежала на подушке, над правой бровью белел узкий пластырь.

— Калинин, вы хоть жуёте другой стороной? — спросила она.

— Это рука, Ася. Не челюсть.

Она передала ему всё, что удалось узнать на встрече: пути машин, обещание обновлять их заранее, сегодняшний выход. Не сказала, будто договорилась о безопасности моря. Савва слушал, перестав жевать.

— Они извиняться не стали?

— Нет.

— Ну, тогда у меня к ним пока личный вопрос.

— Записала.

— А ты не записывай. Ты вернись и расскажи. Я сам потом спрошу.

Латышев появился рядом как раз тогда, когда Ася убирала телефон. Посмотрел на пакет, взял пирожок и откусил почти половину.

— С капустой, — сообщил он Лике. — Разведка окончена. Можно есть.

За время стоянки капитан успел сменить рубашку и побриться. Только под глазами сохранилась тёмная усталость. Он спросил, все ли приборы погружены, и повёл Асю на мостик. Там на экране уже лежала чужая карта.

Назначенная точка находилась южнее Русского острова. Путь к ней был прорезан между двумя широкими полосами, где сегодня должны были проходить машины. У точки значились время начала и время окончания. Перевод вывел цифры в человеческом счёте, но Латышев всё равно затребовал подтверждение через связь с берегом.

— Что будете делать, если они опоздают? — спросил он.

— Ждать за границей.

— А если начнут раньше?

— Уходить.

— Хорошо. Хотел услышать это до выхода.

Вчера он долго спорил с портом. «Нерпу» пытались вклю-

читать в большой наблюдательный караван, где на каждое решение требовались бы три согласования. Латышев настоял на одиночном подходе: в чужом проходе тесно даже одному судну, а любопытство не улучшает манёвренность. Береговые группы получили их приборный поток. Остальные наблюдатели остались за пределами обозначенной зоны.

Ася проверила связь с лабораторией и убрала вторую бутылку в мягкий ящик. Первую, ту самую пустую, оставила рядом с собой.

Ей хотелось привезти хотя бы один прямой ответ.

* * *

Установка поднялась из воды раньше, чем «Нерпа» дошла до точки ожидания.

Сначала море сделалось выпуклым. Это было так непривычно, что Ася решила: навстречу идёт волна, просто её гребень слишком широкий. Но выпуклость не двигалась. Из неё вышла чёрная опора, затем ещё две. Между опорами висела светлая ткань, похожая на натянутый парус. Вода сходила с неё ровными полосами.

Ткань раскрылась. Под ней оказалась площадка с низким бортиком и углублениями разной формы. На одном краю стояла та же тёмная плита, что вчера в павильоне, только меньше.

— Плавучей оболочке сохранять положение, — произнёс

чужой голос.

— Вот бы они и о себе так думали, — сказал Латышев.

Он остановил судно. Вода вокруг успокоилась. От установки отделилась узкая дорожка и легла на поверхность моря. Её ближний конец поднялся к борту «Нерпы», не касаясь обшивки.

Лица посмотрела на Асю.

— Красиво. Ходить по ней я не собираюсь, пока не пойму, что снизу.

На дорожку отправили небольшой наблюдательный аппарат. Его колёса уверенно прошли первые метры. Камера показала серую поверхность, сквозь которую просматривалась вода. Никаких опор не было. Лица вернула аппарат на палубу и отключила.

— Поддерживаемая поверхность рассчитана на местные тела, — сказал голос.

— Наши местные тела предпочитают лодку, — ответил капитан. — Вопросы есть?

Ответ пришёл после задержки:

— Допускается.

Лодку спустили с обычным шумом лебёдки. Этот знакомый звук неожиданно помог Асе. Она надела спасательный жилет, проверила крепление приборного ящика и спустилась вслед за Ликой. С ними пошёл судовой техник Павел, которого капитан выбрал за способность сначала смотреть, потом хвататься. На палубе он почти не разговаривал, зато

мог по звуку определить, какой из насосов пора разбирать.

У чужой площадки лодка легла мягко, без удара. Павел придержал её багром, Лика первой поднялась на серый край. Ася передала ей ящик и перелезла следом. Подошвы не скользили, хотя поверхность оставалась мокрой.

Плита развернулась к ним.

— Участники наблюдения подтверждены. Повреждение рабочих частей запрещено. Переход за световую границу запрещён.

На площадке загорелась линия.

— Спасибо, что заранее, — сказала Ася.

Лика посмотрела на неё, но ничего не добавила.

* * *

Образцы им всё-таки дали.

Из бортика выдвинулись три прозрачные трубки. Под каждой появился знак. На экране человеческого блока возникли подписи: «входная среда», «подготовленная среда», «возвращаемая среда».

Ася дважды прочитала последнее слово.

— Возвращаемая куда?

— В основной объём.

— В море?

— В основной объём.

Она поставила чистые ёмкости, взяла пробы и отдала Ли-

ке одну для немедленного измерения. Павел снимал всё обычной камерой. Здесь запись разрешили, и никто не пытался погасить прибор.

Входная вода почти совпадала с пробой, взятой перед подходом. Подготовленная отличалась заметно. В возвращаемой показатели лежали между первыми двумя, но не так, как получилось бы от простого смещения. Ася попросила повторить подачу. Трубки снова выдвинулись.

Лица присела перед ящиком.

— Они меняют режим по ходу работы. Вот здесь разница уже другая.

— Или подают нам то, что решили показать.

— Поэтому я и хочу своё измерение за бортом.

Они опустили прибор с разрешённой стороны площадки. Вода внизу была удивительно прозрачной. Ася видела уходящие в глубину тяжи — широкие, едва различимые, будто их сделали из самой воды и только немного уплотнили. Между тяжами висели тёмные узлы.

На экране прибор рисовал полосу значений. Она менялась плавно, затем резко переломилась. Лица остановила спуск.

— Граница слоя.

Ася наклонилась над бортиком. Из одного узла отделилось множество мелких светлых крупинок. Они пошли вниз плотным облаком, не сразу распадаясь в течение.

— Это ваши рабочие части? — спросила она у плиты.

— Посев.

Слово прозвучало отчётливо. Павел повернул камеру к воде.

Ася спросила, что сеют. Голос предложил уточнить предмет запроса. Она показала на крупинки, потом на приборное изображение.

— Эти тела. Они живые?

— Начальная форма получателя.

— Они будут расти?

— При соответствии среды.

Лица медленно подняла голову. Теперь обе смотрели не на таблицу, а в воду.

Под одним из узлов распускалась тонкая сетка. Она не свисала, как водоросль. Её края расходились навстречу течению, и в отверстиях застревали мелкие плавающие частицы. Через несколько секунд сетка сжалась, втянула края, затем раскрылась снова.

Ася не могла сказать, видит ли отдельное существо, колонию или машину, которая подражает живому. Но вода проходила через неё, оставляя что-то внутри.

— Нам нужен образец этой формы, — сказала она.

— Не предусмотрено.

— Мы наблюдаем изменения моря. Вы только что показали главный источник изменений.

— Отбор среды допускается. Отделение получателя запрещено.

Световая линия возле их ног стала ярче.

Павел переступил назад. Лика удержала приборный трос, не давая ему уйти под площадку.

— Ася, вот теперь надо решить, — сказала она негромко. Та посмотрела на неё.

— Ничего не отрываем. Снимаем воду ниже.

Она сама произнесла это правило и сама почувствовала, как трудно ему подчиниться.

* * *

Рабочая смена установки началась с тихого удара.

Под ногами дрогнул настил. Плита предупредила, что доступное время заканчивается, хотя по человеческим часам оставалось ещё семнадцать минут. Латышев сразу вышел на связь.

— Возвращайтесь. Спорить будем с судна.

Лика поднимала прибор. Трос шёл тяжело. Она остановила барабан, чуть отпустила, снова потянула. Внизу что-то удерживало груз.

— Зацепился, — сказала она.

Ася посмотрела через край. Прозрачный тяж, который раньше висел в стороне, теперь лежал поперёк их троса. Он медленно втягивался к центральной опоре. Вместе с ним уходил прибор.

— Остановите этот привод, — сказала Ася плите.

— Отделите местное оборудование.

— Оно зажато вашим.

Павел поднёс нож к тросу. Лица перехватила его руку.

— Подожди. Там последняя серия.

— Серия уже передана, — сказала Ася.

— Там вода. Сам образец.

Внизу приборный корпус повернулся. Ася увидела открытую створку пробоотборника и маленькую тёмную сетку, прижатую к ней. Сетка попала внутрь случайно, вместе с водой, когда тяж сдвинулся.

Взять прибор сейчас означало увезти то, что им запретили отделять.

Плита приблизилась к краю. Световая линия пересекла ботинок Лики. Та отступила, но трос не выпустила.

— Отделите оборудование, — повторил голос.

Павел снова поднял нож. Ася взяла у него багор и опустила крюк в воду. Ей не хватало длины; она легла грудью на бортик, упираясь коленями в мокрую площадку. Лица выругалась и ухватила её за пояс жилета.

— Ты сказала, ничего не отрываем.

— Своё забираем.

Крюк скользнул по тяжу. Тот оказался плотным, упругим, не похожим на водяную плёнку. Ася поддела его снизу. Сил не хватало. Павел встал рядом, взял древко ближе к её рукам, и они вместе приподняли тяж на несколько сантиметров.

Лица резко выбрала слабинку. Трос высвободился. Прибор ударился о край, оставив на серой поверхности мокрый след.

Плита повернулась к нему.

Ася закрыла створку пробоотборника.

— Несовместимое действие, — произнёс голос.

— Наше оборудование зажала ваша машина. Мы его освободили.

Лика уже ставила прибор в ящик. Павел отступал к лодке, держа багор поперёк груди. Никто не говорил об образце внутри.

Верхняя часть плиты раскрылась. Появился тонкий стержень, такой же, как вчера возле павильона.

Ася почувствовала, как кожа на спине стала холодной под жилетом. Она подняла пустые руки.

— Мы уходим. Вы разрешили отбор среды. Здесь отбор среды.

Стержень остановился.

За её спиной Лика передала ящик в лодку. Павел спрыгнул вниз и удержал борт. Ася медленно отступила, не опуская рук. В последний момент пришлось повернуться, чтобы попасть ногой на ступень. Она ждала удара между лопаток.

Ничего не произошло.

Лодка отошла. Дорожка, которая лежала на воде, поднялась изогнутой лентой, ушла под площадку. Опоры начали погружаться. Через несколько минут на месте установки остался широкий круг гладкой воды.

Латышев молчал, пока люди не поднялись на борт. Потом посмотрел на ящик.

— Из-за этого?

Ася кивнула.

— Покажете, когда закроете лабораторию. И в следующий раз я посылаю с вами человека, который не позволит вам втроём забыть, как выглядит выход.

Он ушёл на мостик. Лика стояла рядом с Асей, вцепившись в ручку ящика.

— Ты могла сказать мне до того, как полезла.

— Я сама не знала, что полезу.

— Очень утешительно.

Ася сняла жилет. Руки дрожали. Она хотела ответить так, чтобы Лика перестала сердиться, но подходящей шутки не нашлось.

— Ты права, — сказала она.

Лика не смягчилась. Просто кивнула и понесла ящик в лабораторию.

* * *

Сетку рассматривали через стенку закрытого сосуда.

Её перенесли вместе с водой, не открывая пробоотборник в воздухе лаборатории. Ася несколько раз проверила, что сосуд стоит в отдельном прозрачном боксе, а слив перекрыт. Избыточная осторожность раздражала её саму, но на чужой площадке она уже потратила достаточно права на безрассудство.

В воде плавал комочек размером с ноготь. Время от времени он раскрывался, становясь почти невидимым. В увеличенном изображении можно было различить тонкие нити и уплотнения на их пересечениях.

Лица увеличила изображение. Внутри одного уплотнения двигалась тёмная точка.

— Не знаю, что это, — сказала она прежде, чем Ася успела спросить.

В соседнем сосуде находилась обычная морская вода, взятая перед подходом. Они направили камеру на неё, затем снова на чужую сетку. Лаборатория на берегу видела оба изображения. Дежурный специалист попросил ничего не добавлять и не пытаться кормить образец, пока не подготовят отдельный изолированный объём.

Ася не собиралась кормить. Ей хватало того, что уже находилось в воде.

Сетка раскрылась. На её нитях задержались частицы из исходной пробы; несколько исчезли в уплотнении. Через минуту комочек снова свернулся.

Латышев смотрел через плечо Аси.

— Рыба?

— Нет. По крайней мере, ничего похожего на рыбу.

— Вопрос был не про форму. Чем это станет?

Она покачала головой.

С берега пришли первые результаты сравнения. В подготовленной воде изменилось сразу несколько параметров.

Кольцевые частицы, найденные после первого прохода, присутствовали и здесь, но часть была закрыта, как в прежних опытах. Вода обслуживалась дважды: сначала менялся её состав, потом в неё выпускали новую жизнь.

Ася отправила Шольцу короткий вывод и запись слова «посев». Попросила передать вопрос Кел-Эну: получатель — это часть установки или тот, для кого готовят океан?

Ответ пришёл уже у берега. Не от Кел-Эна — от человека из его связи, который получил машинное пояснение.

«Начальная форма получателя принадлежит будущему населению среды».

Ася долго смотрела на строчку. Потом переслала её Лике, хотя та стояла рядом.

За иллюминатором тянулся Владивосток. На крышах светились обычные огни, двигались машины, люди шли вдоль воды. Чужое солнце было ниже, чем вчера в этот час, но никто уже не мог сказать, каким расписанием оно пользовалось.

Ася представила широкие полосы на полученной карте. Места размещения людей, проходы техники, освещённые пятна в океане. До сих пор ей казалось, что море превращают в запас вещества, в огромную чужую ёмкость. Теперь в сосуде перед ней двигалось чьё-то начало жизни.

Она позвонила Шольцу ещё раз.

— Дальше нельзя говорить только о воде, — сказала она, когда он ответил. — Они уже заселяют Землю.

Глава 11. Человек вне списка

Полоска требовала сумку.

Вадим трижды показывал ей Землю на своём экране. Она трижды отвечала изображением сумки, двери и огня. Рустам пробовал прикладывать к ней инструменты. На зажим она не реагировала, на резак показывала тёмный крест, а возле простого воротка развернула светлую рамку.

— Вот этот, — сказал механик.

— Для чего? — спросила Жанна.

Рустам покрутил вороток в пальцах.

— Для работы, которую он не хочет поручать своей машине.

Они ещё час разговаривали с кусочком серого материала. Название корабля, карту, знаки вопроса он не понимал. На человеческую ладонь выводил такую же, только нарисованную. Если ладонь убрать и показать снова, повторял движение с прежней задержкой.

Жанна первой поняла, что с ними никто не разговаривает.

— Это запись. Посмотрите: он всё время касается гребня одинаково.

Вадим нашёл начало рисунка. Маленький Ит появлялся возле сумки, показывал на вороток, ждал человеческого касания. Затем двигался дальше. Они не передавали ответы, а перелистывали приготовленную для них последователь-

ность.

Это разочарование оказалось полезным. Вадим перестал требовать от записи невозможного и начал смотреть.

У двери должно было погаснуть три огня из четырёх. После этого следовало взять инструмент, надеть шлемы и ждать. Ит придёт сам. Три человеческих фигуры показывались вместе; ни одну из них он не оставлял в комнате.

Рустам положил вороток рядом с сумкой.

— Теперь можно спать.

— А если это ловушка? — спросила Жанна.

— Мы в ловушке. Нам предложили посмотреть другую.

Она хмыкнула, потом повернулась к Вадиму.

— Что скажешь?

Он вспомнил, как настоял на вылете к чашам. Тогда они договорились принимать неизвестный переход втроём, и чужая сила отняла у них даже возможность нарушить это соглашение. Сейчас возможность снова появилась.

— Уходим, если видим путь. Если он ведёт одного отдельно — останавливаемся. Если требует снять костюм — тоже. Я хочу вернуться к Земле, но не буду оставлять вас здесь ради обещания.

— Хорошо, — сказала Жанна. — Я тоже иду.

Рустам кивнул, будто давно решил, но ждал, пока остальные произнесут вслух.

Три огня погасли через одиннадцать часов.

За это время люди успели поспать по очереди, поесть и почти перестать верить записи. Жанна дорисовала свою схему. Теперь Вадим понимал, что она делала: не искала знакомые созвездия, а выделяла неподвижные сооружения, относительно которых можно будет узнать место Земли, если они увидят его снова.

— Вот этот раздвоенный свет, — сказала она. — Он перекрывался решёткой. А этот всё время оставался ниже. Если отсюда есть дорога обратно, мне нужен хоть один ориентир, который не передумает.

— Тут целые планеты передумывают.

— Поэтому я взяла три.

Когда дверь открылась, все были готовы. Шлемы закрыты, сумка на плече у Рустама, человеческие запасы поделены между тремя костюмами. Вадим оставил на площадке мягкую чужую обувь. Потом подумал и засунул один мешок в наружный карман: если придётся долго жить здесь, две правые ноги лучше, чем босиком.

Ит вошёл без шара. Его дуга светилась слабо. Он сразу показал вниз, на ленты у ботинок, и одну за другой разомкнул их своим прибором. Ленты сложились в кучку на ложе.

Жанна подняла палец к ближайшему огню. Ит ответил

резким движением гребня, но объяснять не стал. Вывел их в коридор и повёл быстро, так быстро, что его больная задняя опора дважды скользнула по полу.

Они миновали поворот к грузовому залу. Вадим остановился и указал в ту сторону.

— Корабль.

Ит потянул его за рукав. Вадим не двинулся.

— Наш корабль. Нам нужен он.

Чужой ткнул в дугу. На ней появился «Сыч» с разомкнутой кормой, затем изображение перечеркнули две линии. Вадим понял только отказ. Не гибель, не потерю навсегда — отказ идти туда сейчас.

Жанна положила ладонь ему на спину.

— Мы не взлетим на снятом двигателе.

Он пошёл дальше.

В низкой двери Ит задержался. Дуга показала его силуэт, потом три человеческих. Возник тёмный крест. Чужой закрыл изображение и толкнул одну из нижних панелей коленом передней опоры. Панель откинулась. За ней находился узкий проход.

Ит влез первым. Людям пришлось ползти.

* * *

Внутри корабля не было привычного шума вентиляции. Что-то текло за стенами, размеренно постукивало, а ино-

гда по поверхности проходила рябь, как по натянутой коже. Вадим двигался за Итом, стараясь не касаться прозрачных вздутый возле пола. В одном из них были видны тёмные волосы. Когда свет его фонаря прошёл над ними, волосы легли в одну сторону.

Он не хотел знать, какая часть этого корабля живая. Хотелось сначала выбраться.

Проход закончился у круглого глухого щита. Ит развернулся, прижался к стенке и пропустил Рустама вперёд. В центре щита торчала короткая ось. На её конце было углубление, слишком широкое для человеческого ключа.

Чужой достал из складки инструмента серую насадку. Рустам взял её, примерил к воротку и покачал головой: свободно. Ит протянул вторую. Та села плотно.

Механик осторожно повернул ось. Щит не двинулся.

— Под нагрузкой, — сказал он по человеческой связи.

Ит смотрел на руки, не понимая слов. Рустам показал, что требуется обратное давление. Чужой упёр две опоры в стену, передними руками взялся за край щита. Вадим помог. Жанна удерживала сумку и светила через их плечи.

Ось подалась на четверть оборота.

Щит резко втянулся внутрь.

Вадима потянуло следом. Он ударился плечом о край, успел зацепиться локтем. За щитом не оказалось пола — только тёмный провал, уходящий вниз и в сторону. Рустам схватил его за спинное крепление, Жанна бросила сумку и

вцепилась в механика.

Несколько секунд они держались цепочкой. Ит переставил заднюю опору через край и прижал Вадимов ботинок к стене. Тот нашёл упор, выпрямился и вернулся в проход.

На шлеме появилась отметка падения давления. Воздух уходил через открытую щель, быстро, но без урагана. Костюмы удерживали свою среду. Ит опустил над головой прозрачную складку, которую Вадим прежде принимал за часть его кожи.

Чужой показал на сумку, потом на поручни за щитом. Он ожидал перепада. Не сумел объяснить или решил, что люди сами знают.

Вадим схватил его за тонкую руку.

— Показывай заранее.

Ит замер. Гребень прижался к голове. Вадим ослабил хватку, указал на провал, на себя, потом сделал ладонью медленное движение: сначала показать, потом идти.

Чужой повторил движение.

Вадим отпустил его.

* * *

Они оказались в длинном колодце между двумя оболочками.

За одной стенкой светились рабочие помещения. Другая была прозрачной и показывала звёзды. По колодцу проходи-

ли толстые тяжи, а вдоль них тянулись ряды жёстких скоб. Здесь не было тяжести. Ит двигался, цепляясь всеми четырьмя опорами, и сразу стал быстрее людей.

Вадим достал страховочный шнур. Пристегнул его к ближайшей скобе, пропустил через своё крепление и подал конец Рустаму. Тот закрепил сумку и передал следующий отрезок Жанне. Чужой нетерпеливо ждал, но Вадим показал на цепочку и развёл руками: иначе они не пойдут.

Плыть внутри чужого корабля оказалось легче, чем идти по его коридорам. Здесь хотя бы работали вещи, которым Вадим доверял: толчок, инерция, страховка. Он двигался следом за Итом, выбирая опору заранее, и постепенно перестал слушать каждый удар сердца.

Снаружи корабля развернулось сияющее сооружение.

Оно напоминало спираль, но ни один виток не замыкался целиком. Между разорванными дугами шли другие дуги, под чужими углами, и в местах сближения стояли тёмные тела. Вадим сначала принял их за корабли. Потом увидел на одном голубой край и облачную полосу.

Жанна остановилась.

— Сколько? — спросила она.

Он начал считать. Семь крупных сфер было видно сразу, ещё две частично скрывались за опорами. Разные цвета, разные облака. На одной лежала чёрная полоса, будто её обтянули ремнём. Другая сияла зелёным, а возле неё несколько маленьких светлых пятен перестраивались из цепочки в тре-

угольник. Это были машины.

Земля среди них не находилась. Или находилась, но они не могли узнать её с этого направления.

Ит вернулся и ударил пальцами по ближайшей скобе. Вадим показал на миры снаружи.

Чужой опустил гребень. Потом указал на одно из тёмных тел, скрытое наполовину, и коснулся собственного туловища.

— Твоё? — спросил Вадим.

Ит не ответил словами. Только сильнее прижал ладонь к себе.

* * *

У следующего люка находилась машина.

Она была вдвое длиннее Ита и держалась за скобы шестью раскрытыми захватами. Передняя часть медленно поворачивалась, осматривая тяжи. Ит остановился за выступом и вытянул из дуги серую полосу. Не ту, которую оставил людям, а более широкую. На ней появились знаки.

Машина повернулась к нему. По прозрачной стене пробежала светлая черта. Ит показал людям ждать и вышел из-за укрытия один.

Он что-то передавал. Машина отвечала короткими вспышками. Затем развернулась так, что перекрыла люк целиком.

Ит вернулся.

Жанна посмотрела на Вадима. Тот понял её без слов: дальше было некуда, возвращаться тоже нельзя. Огни у комнаты давно могли загореться снова.

Чужой показал другой путь — вниз по тяжу, через открытый промежуток к соседнему ряду скоб. Вадим оценил расстояние. Для Ита, который цеплялся четырьмя ногами, переход был трудным. Для людей он означал несколько метров свободного полёта возле работающей машины.

Рустам вынул из сумки запасную ленту крепления груза. Показал петлю на конце, затем скобу по другую сторону. Вадим кивнул.

Он привязал к петле маленький инструментальный мешок. Первый бросок ушёл ниже. Мешок ударился о стену и медленно поплыл назад. Машина повернулась. Ит сразу вылез вперёд и начал светить своей дугой, заслоняя людей от машины.

Второй бросок Вадим сделал с меньшей силой. Петля легла на выступ. Он осторожно натянул ленту, проверил, что она держится, и закрепил ближний конец.

— Я первый, — сказал он.

— Ит первый, — ответила Жанна. — Он знает, куда там выходить.

Вадим указал чужому на ленту. Тот сначала попытался двигаться по ней обычными шагами, но мягкая опора уходила из-под лап. Тогда Вадим показал руками, как подтяги-

ваться. Ит попробовал, медленно пополз и добрался до дальнего края.

Общую страховочную цепочку разобрали: каждый закрепился своим коротким шнуром. Вадим оставил карабин на ближней скобе, возле крепления грузовой ленты. Рустам пошёл следующим. Сумка тянула его вбок, он зацепил её за грудное крепление. Жанна пристегнула свой шнур к петле на ленте и двинулась за механиком.

Машина погасила свет.

Вадим увидел это краем глаза. Большая тёмная голова больше не слушала Ита, которого перед ней уже не было. Она повернулась к натянутой ленте.

— Быстрее, — сказал Вадим.

Жанна не ответила. Она уже подтягивалась изо всех сил. Рустам протянул руку с другой стороны. Когда он ухватил её за запястье, Вадим оттолкнулся от своей скобы.

Он хотел пройти по ленте тем же способом и ещё держался страховкой за ближнюю скобу. Но машина выпустила один захват, перерезала ленту и вырвала саму скобу. Вместе с ней от стены оторвался Вадимов карабин. Мягкая дорожка ушла из-под пальцев; короткий страховочный шнур тащил за собой обломок, больше ни с чем не соединённый.

Вадим летел.

До дальней стенки было слишком далеко, скорость мала, направление уходило в сторону от людей. Он вытянул руку, не доставая до свободного конца ленты. На мгновение в го-

лове возникло ясное, спокойное знание: сейчас его поймают, и остальные либо вернутся за ним, либо уйдут. Ему не хотелось требовать от них такого выбора.

Он выдернул с пояса тяжёлый аварийный баллон и бросил его от себя — не в машину, а вдоль стены. Тело медленно повернулось и получило небольшой толчок в обратную сторону. Скоба прошла возле плеча. Он ухватился за неё, ударив пальцами так сильно, что боль пробила перчатку.

Рустам подал ему конец страховки.

Машина приближалась. Теперь она двигалась быстро, переставляя захваты через две скобы. Ит открыл соседний люк. Жанна уже пролезала внутрь, таща сумку.

Вадим подтянулся, втиснулся в отверстие последним. Рустам повернул чужую ось, Ит потянул край щита. Тёмная голова успела войти в щель одним выступом.

Щит остановился.

— Не дави! — крикнул Рустам, хотя Ит всё равно не понял бы.

Механик сунул вороток поперёк выступа, упёр в край и повернул. Чужой металл скрипнул. Машина потянула назад, освобождая деталь, и щит захлопнулся.

В темноте раздалось три удара.

Потом четвёртый.

Ит показал вперёд. Они поползли, не дожидаясь следующего.

* * *

Служебное убежище оказалось тесным.

В центре стояла низкая ёмкость с мягкими бортами. В ней лежали свёрнутые ремни, несколько чужих инструментов и комок тёмной ткани. Ит сразу закрыл за людьми дверь, присел возле ёмкости и начал быстро перебирать вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.